

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Гражданское право и процесс»

(наименование)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки)

Гражданское право и международное частное право

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему «Преддоговорная ответственность в гражданском праве»

Обучающийся

И.А. Наумова

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

канд. юрид. наук, доцент Р.Ф. Вагапов

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Общая характеристика преддоговорной ответственности	9
1.1 Содержание и виды преддоговорных отношений.....	9
1.2 Понятие и принципы установления преддоговорной ответственности.	19
1.3 Основания преддоговорной ответственности.....	26
Глава 2 Особенности преддоговорной ответственности в отдельных видах гражданско-правовых отношений	34
2.1 Ответственность лица, обязанного заключить публичный договор	34
2.2 Ответственность по предварительному договору	40
2.3 Ответственность по рамочному договору	47
2.4 Ответственность по опциону на заключение договора	52
Глава 3 Проблемы практического применения института преддоговорной ответственности и пути их решения	56
3.1 Проблемы практического применения преддоговорной ответственности	56
3.2 Пути решения проблем применения института преддоговорной ответственности	60
Заключение	63
Список используемой литературы и используемых источников.....	67

Введение

Актуальность исследования. Преддоговорная ответственность является важным элементом гражданского оборота, играющим ключевую роль в регулировании отношений между сторонами до заключения договора. В условиях современной экономики и правовой системы вопросы, связанные с преддоговорной ответственностью, приобретают особую актуальность, поскольку неурегулированность этих вопросов может привести к юридической неопределенности, а также к ущербу для сторон, участвующих в переговорах.

В последние десятилетия российская правовая система значительно развилась, и институт преддоговорной ответственности стал объектом интенсивного изучения как теоретиками, так и практиками. Законодательство в этой области также претерпело значительные изменения, в том числе в рамках Гражданского кодекса РФ, что требовало дополнительных научных исследований и практических рекомендаций.

До 2015 года институт преддоговорной ответственности в законодательстве рассматривался довольно поверхностно, однако с тех пор он стал регулироваться Федеральным законом «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» от 08.03.2015 № 42-ФЗ [47] и статьей 434.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [11]. Научный и практический интерес к этой теме обусловлен не только развитием гражданского оборота и потребностями предпринимателей в более совершенном правовом регулировании преддоговорных отношений, но и рядом других факторов, таких как усложнение гражданского оборота в целом.

В настоящее время в гражданском законодательстве существует проблема недостаточного регулирования института преддоговорной ответственности. Законодатель не использует термины «преддоговорная ответственность» или «ответственность за преддоговорные нарушения» в Гражданском кодексе Российской Федерации, что порождает споры и

дискуссии о правовой природе данного института. В доктрине гражданского права отсутствует четкое научно-теоретическое обоснование этой проблемы.

Понятие преддоговорной ответственности порождает значительные теоретические и практические проблемы, связанные с неопределенностью и неоднозначностью в ее применении. Конфликт между преддоговорной ответственностью и принципом свободы договора, а также его взаимодействие с принципом добросовестности возникают при применении статьи 434.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Эти проблемы требуют серьезного изучения и анализа для обеспечения эффективности применения преддоговорной ответственности.

Степень разработанности темы исследования. Вопросы, связанные с регулированием преддоговорных обязательств, исследовались как теоретиками, так и практиками, что позволило сформировать разнообразие подходов и концепций в правовой литературе.

В российской юридической науке исследование института преддоговорной ответственности связано с развитием института гражданского права, в частности, с изменениями, внесенными в Гражданский кодекс РФ, а также с развитием судебной практики. Одним из первых крупных трудов, посвященных этой теме, являются работы известных ученых, таких как В.В. Витрянского, С.А. Крашениникова, А.М. Зражевского. Эти работы создавали основы для дальнейшего изучения и понимания преддоговорных отношений в праве, однако с учетом изменений в законодательстве и правоприменительной практике возникла необходимость в углубленном исследовании данной темы.

Кроме того, внимание исследователей привлекает зарубежный опыт регулирования преддоговорной ответственности, в частности, в странах Европы и США, где подобные отношения развиваются на протяжении более долгого времени. Работы зарубежных ученых, таких как Дж. Белл, Р. Уинтер, А. Харт, предоставляют полезные сравнительные материалы, что может помочь в совершенствовании российского законодательства.

Актуальность выбранной темы заключается в необходимости более глубокого анализа существующих правовых норм, касающихся преддоговорных обязательств и ответственности за их нарушение, а также в выявлении пробелов и противоречий в правовом регулировании этого института. В условиях растущей договорной практики и различных рисков, связанных с преддоговорной деятельностью, понимание преддоговорной ответственности приобретает особое значение для развития гражданского права.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в процессе преддоговорных отношений до момента заключения договора.

Предметом исследования являются нормы права, регулирующие преддоговорную ответственность.

Гипотеза исследования заключается в том, что совершенствование гражданско-правового регулирования преддоговорной ответственности в Российской Федерации, в частности, посредством конкретизации и детализации условий её возникновения и мер ответственности, позволит существенно повысить уровень добросовестности участников переговорного процесса, а также снизить количество злоупотреблений и правовых конфликтов, связанных с отказом от заключения договора или предоставлением недостоверной информации на этапе переговоров.

Целью данной магистерской диссертации является исследование теоретических и практических аспектов преддоговорной ответственности в гражданском праве, анализ правового регулирования данной категории в российском законодательстве, а также выявление основных проблем и предложений по их разрешению.

Задачи исследования:

- дать общую характеристику преддоговорной ответственности;
- рассмотреть особенности преддоговорной ответственности в отдельных видах гражданско-правовых отношений;

- выявить проблемы практического применения института преддоговорной ответственности и пути их решения.

Методология и методика исследования. В процессе написания выпускной квалификационной работы использовались методы сравнительно-правового исследования, системного анализа, диалектический метод, юридико-догматический подход, а также методы синтеза и анализа.

Теоретическая база исследования включает: фундаментальные труды ученых, чьи первоначальные открытия заложили основы изучаемой темы: М.И. Брагинский, В.В. Витрянский и других, работы их последователей: М. И. Ермошкиной, О. В. Муратова, В.Г. Полякевич и других публикации, отражающие современное видение проблемы преддоговорной ответственности в гражданском праве: И.З. Аюшевой, Д. Е. Богданова, А. В. Демкиной, Л.А. Новоселовой и других.

Нормативно-правовая база исследования преддоговорной ответственности в гражданском праве строится на основе комплексного анализа действующих законодательных актов, международных договоров. В основу исследования положены нормы Гражданского кодекса Российской Федерации, который является ключевым документом, регулирующим вопросы обязательств, договорных отношений и ответственности сторон. Особое внимание уделяется положениям, определяющим основания возникновения гражданско-правовой ответственности, в том числе на стадии преддоговорных отношений. Кроме того, в исследовании рассматриваются положения федеральных законов, регулирующих отдельные аспекты гражданско-правовых обязательств: Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 «О защите прав потребителей», Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.2007 N 209-ФЗ.

Теоретическая значимость исследования заключается в систематизации и уточнении доктринальных взглядов на институт преддоговорной ответственности в гражданском праве. Полученные результаты способствуют

развитию теоретического аппарата обязательственного права и более глубокому пониманию механизма защиты прав и законных интересов участников гражданского оборота на стадии преддоговорных отношений.

Практическая значимость определяется возможностью применения выводов и рекомендаций, полученных в исследовании, в процессе совершенствования российского гражданского законодательства и правоприменительной практики. Представленные предложения могут быть использованы судами для решения споров о возмещении убытков, понесенных на стадии переговоров, а также практикующими юристами при ведении дел по защите прав участников преддоговорных отношений.

Научная новизна исследования проявляется в следующем:

- обоснована необходимость выделения специального правового режима для преддоговорной ответственности с учетом особенностей переговорного процесса и защиты добросовестности участников гражданского оборота;
- разработаны конкретные рекомендации по совершенствованию норм Гражданского кодекса РФ (ст. 434.1 ГК РФ и смежные статьи), касающиеся ответственности за недобросовестное ведение переговоров и предоставление ложной информации в преддоговорных отношениях.

Положения, выносимые на защиту следующие.

Нормативное регулирование преддоговорной ответственности в российском законодательстве нуждается в совершенствовании. Несмотря на то, что Гражданский кодекс РФ включает положения, регулирующие преддоговорные обязательства, существует ряд пробелов и неопределенностей, например, касающихся последствий нарушения преддоговорных обязательств и компенсации убытков в случае их нарушения.

Отсутствие законодательного закрепления конкретных мер ответственности за недобросовестное ведение переговоров снижает эффективность правовой защиты пострадавшей стороны. Предлагается внести

изменения в статью 434.1 ГК РФ, конкретизировав меру ответственности следующим образом: «Недобросовестная сторона обязана возместить другой стороне прямые убытки, включая расходы, связанные с переговорами (оплата услуг консультантов, юристов, экспертов), а также реальный ущерб, возникший вследствие утраты возможности заключить аналогичный договор с третьим лицом».

Недостаточная конкретизация условий и критериев наступления преддоговорной ответственности в статье 434.1 Гражданского кодекса Российской Федерации приводит к правовой неопределенности и противоречивой судебной практике, в связи с чем предлагается дополнить статью 434.1 ГК РФ следующим абзацем: «Сторона признаётся действовавшей недобросовестно при переговорах и несёт ответственность, если она:

- намеренно вводила другую сторону в заблуждение относительно намерений заключить договор;
- предоставляла заведомо ложную информацию, повлиявшую на решение контрагента;
- необоснованно и внезапно прекратила переговоры без уважительных причин после достижения существенной стадии переговоров».

Структура работы включает в себя введение, три главы, заключение и список используемой литературы и используемых источников. В первой главе будет рассмотрена теоретическая база преддоговорной ответственности, во второй — особенности ее правового регулирования в России и зарубежных странах, в третьей — анализ судебной практики и рекомендации по улучшению правового регулирования.

Глава 1 Общая характеристика преддоговорной ответственности

1.1 Содержание и виды преддоговорных отношений

Изучение преддоговорных правоотношений неразрывно связано с анализом института преддоговорной ответственности, берущего начало в римской правовой доктрине «*culpa in contrahendo*». Немецкий правовед Рудольф фон Иеринг первым сформулировал теоретические основы преддоговорной ответственности, создав фундаментальное учение *culpa in contrahendo*. Первоначальная концепция, ограниченная рамками ответственности за нарушения при заключении договоров, впоследствии эволюционировала в европейском праве, распространив действие на всю сферу договорных переговоров. Современная судебная практика государств континентальной правовой системы активно применяет данный правовой механизм, который получил законодательное закрепление в ряде национальных правопорядков [12, с. 56].

Советский период ознаменовал начало формирования доктрины *culpa in contrahendo* в российском праве. Гражданское законодательство РСФСР устанавливало ответственность за недобросовестные действия при проведении переговоров. Недобросовестная сторона, отказавшаяся от сделанной оферты, принимала обязательство компенсировать контрагенту материальный ущерб, связанный с подготовительными мероприятиями по заключению договора.

Современная цивилистическая доктрина уделяет незначительное внимание преддоговорным правоотношениям по сравнению с договорными и деликтными институтами права. Недостаточная теоретическая разработанность преддоговорных правоотношений в российской цивилистике требует глубокого научного осмысления. Законодательное закрепление норм о преддоговорной ответственности создало благоприятную почву для

расширения научных изысканий в области гражданско-правового регулирования преддоговорных отношений.

Законодательное регулирование договорных отношений претерпело существенные изменения благодаря внесению статьи 434.1 ГК РФ «Переговоры о заключении договора», значительно расширив правовую базу преддоговорного процесса между сторонами будущей сделки.

Различение юридических категорий договора как сделки и договора как правоотношения требует терминологической точности. А.Г. Карапетов предлагает разграничивать данные понятия путем закрепления за термином «договор» исключительно значения сделки согласно статье 26 Гражданского кодекса, рассматривая его как действие, влияющее на динамику конкретного правоотношения. Возникающую вследствие заключения договора правовую связь между субъектами надлежит определять как договорное правоотношение [18].

Двусторонние сделки порождают договорные правоотношения между участниками, тогда как преддоговорные взаимодействия сторон формируются на этапе подготовки и согласования будущего соглашения, предваряя момент заключения основного договора.

«Внедоговорный характер правоотношений проявляется через совершение участниками юридически значимых действий при заключении будущего договора, а не посредством существующих договорных обязательств. Специфика данных правоотношений заключается в реализации сторонами особых прав и обязанностей, направленных исключительно на достижение соглашения по существенным условиям договора» [10].

Промежуточный характер преддоговорных взаимодействий определяется направленностью участников сделки к достижению главного результата. Правовые отношения между субъектами возникают в процессе многоступенчатого согласования условий будущей сделки. Вступая в переговорный процесс, стороны предпринимают конкретные шаги,

включающие разработку регламента ведения диалога, формирование коммерческих предложений и рассмотрение встречных условий.

Преддоговорные правоотношения выступают связующим звеном между неформальными деловыми контактами и последующим заключением договора, где первые не регламентируются правовыми нормами, а вторые полностью подчиняются договорному режиму. Согласно исследованиям В.В. Богданова, преддоговорный процесс направлен на формирование благоприятных условий для будущего гражданско-правового соглашения между сторонами, закладывая фундамент полноценных договорных взаимоотношений [6, с. 131].

Научное сообщество юристов продолжает дискуссию относительно точного момента зарождения преддоговорных правоотношений между сторонами. Многолетние теоретические исследования и анализ судебной практики пока не позволили сформировать единый подход к определению временных границ возникновения преддоговорных обязательств.

Научное сообщество придерживается концепции двухэтапного формирования договорных отношений, включающего стадии направления оферты и последующего акцепта. Предварительные переговоры сторон рассматриваются как неотъемлемая часть процедуры оформления оферты, а урегулирование возникающих разногласий между контрагентами логически встраивается в механизм акцептования договорных условий.

Среди научного сообщества распространена позиция о моменте зарождения преддоговорных правоотношений непосредственно при вступлении сторон в переговорный процесс. Механизм взаимодействия заинтересованных субъектов в рамках переговорного процесса направлен на всестороннюю проработку существенных условий предстоящей сделки, включая разработку, согласование и последующее документальное оформление договорных обязательств.

Рассматривая процедуру заключения договора, выдающийся цивилист А. Н. Кучер разделяет процесс ведения переговоров на два ключевых этапа -

подготовительный период и фазу направления конкретных предложений, подчеркивая размытость границ между указанными стадиями договорного процесса [21, с. 35].

Определение начального момента преддоговорных правоотношений представляет существенную сложность, учитывая многообразие вариантов их возникновения. Правовые связи между участниками гражданского оборота формируются либо при инициировании переговорного процесса, либо в момент получения адресатом конкретного предложения заключить договор.

Преддоговорное правоотношение характеризуется двусторонним взаимодействием участников, направленным на достижение взаимного согласия по существенным условиям будущей сделки, включая процесс ведения переговоров и согласования договорных положений между сторонами.

Правовая сущность отношений, возникающих на стадии заключения договора, требует детального теоретического осмысления в рамках современной цивилистической доктрины. Установление юридической природы преддоговорных взаимодействий между субъектами гражданского права представляет собой фундаментальную задачу для правовой науки.

Преддоговорные правоотношения рассматриваются научным сообществом как специфическая разновидность обязательственных правоотношений. Исследователь А. В. Демкина в своих работах подчеркивает обязательственную природу преддоговорных отношений, выделяя данный аспект как определяющий признак правовой квалификации таких взаимодействий между субъектами права [15, с. 31].

Научная трактовка преддоговорных отношений базируется на динамической природе обязательственных связей между сторонами. Комплексный характер преддоговорного этапа включает внедоговорные организационные обязательства по обеспечению переговорного процесса, договорные правоотношения по установлению взаимных прав и обязанностей, а также квазидоговорные обязательства, возникающие при предполагаемой

добросовестной стороной неизбежности заключения контракта. Научные воззрения О. В. Муратовой характеризуют преддоговорные правоотношения как самостоятельный правовой институт со сложноструктурированной системой, объединяющей организационные, договорные и внедоговорные обязательственные элементы [25].

Согласно альтернативной научной концепции, преддоговорные взаимоотношения субъектов следует квалифицировать как организационно-правовые связи, возникающие между участниками будущей сделки.

Реформирование гражданского законодательства привнесло существенные изменения в область правового регулирования, включив корпоративные правоотношения в сферу гражданско-правового воздействия. Законодательное закрепление трех основных групп правоотношений - имущественных, личных неимущественных и корпоративных - оставляет открытым вопрос о статусе организационных отношений. Научное сообщество цивилистов продолжает активную полемику относительно роли и значения организационных правоотношений в системе гражданского права.

«Отрасль права может регулировать не только основные, центральные отношения в предмете, но и иные отношения, которые тесно связаны с основными, но при этом носят вспомогательный, упорядочивающий, организационный характер. Несмотря на то, что основной массив организационных отношений составляет предмет административного права, организационные отношения регулируются и иными отраслями права, в том числе нормами гражданского права» [12, с. 39].

«Организационные отношения не являются тождественными ни имущественным, ни личным неимущественным отношениям. Для организационных отношений не характерно наличие связи со средствами или продуктами производства, в отличие от имущественных. Зачастую в организационных отношениях присутствуют определенные имущественные элементы, но они не являются ключевыми. В организационных отношениях

связь с имуществом носит опосредованный характер, обуславливается тесной связью организационных отношений с имущественными.

Организационные отношения являются относительными, в отличие от абсолютных личных неимущественных отношений. Кроме того, организационные отношения не имеют тесной связи с личностью участников отношения. Состав организационных отношений не исчерпывается корпоративными отношениями. Данный вид отношений охватывают как поименованные, так и непоименованные в ст. 2 ГК РФ отношения. В состав организационных отношений входят отношения, вытекающие из различных организационных гражданско-правовых договоров (организационно-договорные отношения). Также в состав организационных отношений включаются преддоговорные отношения» [8, с. 44].

Относительно выделения преддоговорных отношений, как организационных отношений, в доктрине выделяются два направления: первое из них представлено точкой зрения М. М. Агаркова. Автор придерживается мнения о том, что «организационные отношения являются центральным понятием административного права» [1, с. 25].

Картрайт Дж. является основоположником теории организационных отношений в гражданском праве и, как следствие, противоположного направления. Он сформулировал предложение о выделении в предмете гражданского права таких организационных отношений, как «социальные связи, построенные на началах координации и субординации, которые направлены на упорядочение иных общественных отношений, действий их участников либо на формирование социальных образований» [19, с. 42].

«Он также описал организационно-предпосылочные (образующие) отношения как вид организационных отношений. Данные отношения порождают преддоговорные правоотношения, которые характеризуются тем, что в результате становления и реализации данных отношений происходит завязка, а в определенных случаях и развитие имущественно-правовых отношений» [19, с. 43]. «Организационно-правовые отношения обслуживают

иные гражданские правоотношения, они не являются самоцелью, а представляют собой определенное организационно-правовое средство, используемое сторонами в целях упорядочения своих основных отношений» [27, с. 211].

По мнению А.Н. Кучера, «организационные отношения выступают в качестве предпосылки возникновения (формирования) иных, в первую очередь, имущественных отношений, либо несут такую функционально-целевую нагрузку, назначение которой заключается в обеспечении надлежащих условий развития и движения уже существующих и определенным образом организационных правоотношений» [22, с. 90].

Учитывая изложенное, «под преддоговорными правоотношениями следует понимать двустороннее обязательственное организационное правоотношение, направленное на упорядочение действий участников таких правоотношений, в рамках которых происходит согласование договорных условий» [14, с. 50].

Правовое регулирование преддоговорных отношений до реформы гражданского законодательства 2015 года характеризовалось фрагментарностью и отсутствием системного подхода. Законодательные нормы, регламентирующие преддоговорную ответственность, распространялись лишь на узкий круг правоотношений между определенными субъектами. Гражданский кодекс Российской Федерации закреплял ответственность за недобросовестное поведение при согласовании условий договора поставки через статью 507, предусматривающую санкции за уклонение от урегулирования разногласий. Дополнительно пункт 4 статьи 445 ГК РФ устанавливал меры ответственности за необоснованное уклонение от заключения обязательного договора, включая случаи неправомерного отказа в заключении публичного договора согласно статье 426 ГК РФ.

Нарушение стороной переговоров принципа добросовестности при раскрытии существенных сведений, применение насильственных действий либо введение в заблуждение контрагента влечет материальную

ответственность за причиненные убытки. Законодательством предусмотрена компенсация реального ущерба при аннулировании договоров вследствие существенного заблуждения или противоправных действий согласно положениям статей 178-179 Гражданского кодекса. Гражданское законодательство устанавливает дополнительные основания преддоговорной ответственности за неправомерное уклонение от нотариального оформления либо государственной регистрации сделки, что закреплено пунктом 4 статьи 165 ГК РФ.

Переговоры охватывают весь этап до заключения договора. В теории выделяют два вида преддоговорных правоотношений [8, с. 119].

Свободные переговоры. В результате переговоров стороны могут заключить договорили не прийти к договорённостям и договор не будет заключен. Пункт 1 ст. 2.1. 15 Принципов УНИДРУА гласит: «сторона свободна проводить переговоры и не несет ответственности за то, что соглашение не достигнуто». Подобное положение было включено 8 марта 2015 г. в ГК РФ. Пункт 1 ст. 434. 1 ГК РФ гласит: «Если иное не предусмотрено законом или договором, граждане и юридические лица свободны в проведении переговоров о заключении договора, самостоятельно несут расходы, связанные с их проведением, и не отвечают за то, что соглашение не достигнуто».

«Обязательные переговоры как вид преддоговорных правоотношений применяются, когда законом установлена обязанность для одной из сторон заключить договор. Например, коммерческая организация при заключении публичного договора не вправе отказываться от заключения договора» [14]. При отказе следует понуждение обязанной стороны к заключению договора путем обращения с соответствующим иском в компетентный суд. Данный вид преддоговорных правоотношений существовал в гражданском законодательстве до введения новелл 2015 года, нормы о таких преддоговорных правоотношениях сохранились в действующем законодательстве.

Научное сообщество продолжает дискуссию о правовой природе свободных переговоров в контексте преддоговорных отношений. Юридическое признание таких взаимодействий возможно исключительно при наличии соответствующих регулятивных норм. Отсутствие правового регулирования автоматически переводит подобные отношения в категорию социальных связей. Многообразие социальных взаимодействий включает традиционные обычаи, семейные устои, эстетические нормы, правила этикета, принципы корректности, требования приличия, ритуальные действия.

М.К. Сулейменов утверждает, что нормы морали и обычаев выступают регуляторами свободных переговоров, исключая правовое регулирование данных отношений [43, с. 32]. Законодательное закрепление обязательств формирует правовые отношения, включая принудительное заключение договоров согласно статье 445 Гражданского кодекса РФ [11]. Публичный договор налагает на коммерческую организацию обязательство заключить соглашение с обратившимся лицом. Уклонение от заключения публичного договора предоставляет контрагенту право требовать через суд принудительного заключения и возмещения понесенных убытков в соответствии со статьей 426 ГК РФ. Правовая природа возникающих отношений проявляется через судебную защиту права требования заключения договора одной стороной и корреспондирующей обязанности другой стороны. Концепция М.К. Сулейменова рассматривает преддоговорными правоотношениями исключительно обязательные переговоры, исключая свободные переговорные процессы.

Законодательное установление обязательств неизбежно формирует правовые взаимосвязи между субъектами. Гражданский кодекс Российской Федерации регламентирует не только принудительное заключение договоров согласно статье 445. Положения статьи 434.1 ГК РФ устанавливают принцип добросовестного поведения сторон при вступлении, проведении и завершении переговорного процесса. Нормативное закрепление данной обязанности позволяет квалифицировать свободные переговоры как разновидность

преддоговорных правоотношений, поскольку участники переговорного процесса связаны требованием добросовестного поведения с момента начала взаимодействия.

«В процессе переговоров существует возможность наступления промежуточных видов правоотношений, которые не будут являться обязательными. Но они отчетливо демонстрируют всю сложность переговорного процесса» [12, с. 56].

«Промежуточный вид правоотношений как недобросовестные переговоры и *culpa in contrahendo* (преддоговорная ответственность). Могут трактоваться как стадия переговорного процесса, в случае если ответственность за недобросовестные переговоры установлена законом. Недобросовестные переговоры как вид преддоговорных правоотношений могут образоваться, когда одна из сторон допускает недобросовестность в ведении переговоров, что как следствие влечет за собой ответственность. В процессе ведения переговоров стороны имеют право заключить соглашение о намерениях или предварительный договор. Закон не обязывает стороны к заключению предварительного договора» [12, с. 58].

«Предварительный договор. Предварительный договор тоже следует считать видом преддоговорных правоотношений, нарушение предварительного договора влечет обязанность возмещения убытков. Обязательством, вытекающим из предварительного договора считается заключение основного договора» [12, с. 59].

Таким образом, выделяется целый блок преддоговорных правоотношений.

Итак, исходя из вышеизложенного выделяются свободные и обязательные переговоры как основные виды преддоговорных правоотношений. Свободные переговоры определяются тем, что стороны свободны в проведении переговоров о заключении договора, самостоятельно несут расходы, связанные с их проведением, и не отвечают за то, что соглашение не достигнуто. Обязательные переговоры отличаются

установленной обязанностью заключения договора для одной из сторон (например, при заключении публичного договора коммерческая организация не вправе отказываться от заключения договора).

1.2 Понятие и принципы установления преддоговорной ответственности

Отечественному праву известно базовое основание преддоговорной ответственности - недобросовестное поведение, то есть нарушение обязанности действовать добросовестно (ст. 10 ГК РФ). «Проблема ответственности всегда являлась одной из важных в теории и на практике гражданского права, по причине того, что гражданско-правовая ответственность является инструментом охраны гражданских правоотношений от возможных посягательств на права и интересы субъектов гражданского оборота. Понимание природы института преддоговорной ответственности имеет важное значение в практическом и теоретическом смысле, так как от того, к какому виду данный институт будет отнесен, зависит, какие нормы будут применяться: о деликтной ответственности или нормы об ответственности за нарушение договорных обязательств.

В теории гражданского права ещё с давних времен утвердилось деление гражданско-правовой ответственности на договорную и внедоговорную (деликтную)» [44, с. 53].

Использование электронной подписи на этапе преддоговорных отношений позволяет установить достоверность и авторство информации, передаваемой сторонами переговоров. В силу ст. 6 указанного закона документы, подписанные усиленной квалифицированной электронной подписью, признаются равнозначными документам на бумажном носителе с собственноручной подписью. Соответственно, предоставление заведомо ложной информации или внезапный отказ от переговоров после направления документов, удостоверенных электронной подписью, может быть

квалифицировано как нарушение принципа добросовестности и привести к возникновению преддоговорной (квазидоговорной или квазиделиктной) ответственности. Таким образом, положения Федерального закон №63 «Об электронной подписи» способствуют конкретизации условий наступления преддоговорной ответственности, поскольку электронная подпись фиксирует намерения сторон и факт обмена информацией, позволяя впоследствии более эффективно применять нормы о добросовестности и защите прав на этапе преддоговорных отношений [48].

«Статус преддоговорной ответственности требует четкого определения места среди существующих видов гражданско-правовой ответственности, учитывая специфику данного правового института.

Многочисленные научные исследования зарубежных правоведов демонстрируют многообразие доктринальных взглядов относительно юридической сущности преддоговорной ответственности. Законодательные системы различных государств формируют собственные правовые позиции касательно квалификации обязательств, возникающих на стадии ведения переговоров» [13, с. 45].

Сторонники деликтной квалификации преддоговорной ответственности основывают позицию на отсутствии юридической связи между участниками несостоявшейся сделки. Ведущие цивилисты подчеркивают «невозможность применения договорных норм к отношениям, возникающим до заключения соглашения, ввиду отсутствия взаимных обязательств между сторонами» [45]. «Правовые системы Франции и Великобритании также квалифицируют преддоговорную ответственность как разновидность деликтных обязательств, возникающих вследствие причинения вреда» [49, с. 45].

«Договорная природа преддоговорной ответственности получила признание среди значительного числа правоведов. Классическое учение *culpa in contrahendo*, разработанное Р. фон Иерингом, выступает фундаментальным обоснованием данной концепции. Согласно позиции выдающегося цивилиста, участники переговорного процесса негласно принимают на себя обязательства

по добросовестному ведению диалога, направленного на заключение соглашения. Нарушение принятых обязательств путем недобросовестных действий влечет возникновение преддоговорной ответственности. Законодательное закрепление договорной природы преддоговорной ответственности нашло отражение в Гражданском кодексе Италии. Статья 1337 данного нормативного акта включает требование добросовестного ведения переговоров в институт заключения договора, квалифицируя ответственность за недобросовестное поведение как разновидность договорной» [56].

«Размещение норм преддоговорной ответственности в общей части договорного права российским законодателем служит ключевым доводом для приверженцев данного подхода. Специфика российской правовой системы предполагает наступление договорной ответственности исключительно при нарушении обязательств, закрепленных конкретным соглашением между участниками. Санкционные механизмы могут устанавливаться как действующими нормативными актами, так и договорными положениями. Соглашение о порядке ведения переговоров либо последующее заключение договора автоматически влечет применение норм договорной ответственности к возникающим правоотношениям. Отсутствие формализованного переговорного процесса или недостижение итогового соглашения исключает квалификацию действий участников как нарушений договорных обязательств ввиду фактического отсутствия юридически значимого соглашения» [9, с. 288].

Правовая позиция, изложенная в абзаце 3 пункта 3 Постановления Пленума ВАС РФ от 11 июля 2011 года № 54, подтверждает договорную природу преддоговорной ответственности [39]. «Расширение права требования возмещения убытков, регламентированное Пленумом в случае недействительности сделки, совершенной под влиянием заблуждения, также охватывает договоры с несогласованным предметом. Доктринальное осмысление этого подхода привело к формированию концепции приоритета

норм о недействительности над положениями о незаключенности договора в случае их коллизии.

Компромиссный подход к природе преддоговорной ответственности основывается на признании ее самостоятельного характера, который не относится к традиционным видам гражданско-правовой ответственности» [44].

Научная позиция В.В. Витрянского подчеркивает «сложность квалификации преддоговорной ответственности как деликтной, указывая на проблематичность установления противоправности действий участника переговоров при причинении убытков контрагенту. Действия лица, прекратившего переговоры или не сообщившего существенную информацию для сделки, формально остаются в правовом поле дозволенного поведения. Нарушение обязанности добросовестного ведения переговоров выступает базовым основанием преддоговорной ответственности, характеризуя ее особый квазидоговорный статус, отличный от классических форм гражданско-правовой ответственности» [9, с. 289].

В. Г. Полякевич утверждает, что «преддоговорная ответственность принципиально не отличается от деликтной или договорной ответственности, а обладает чертами как той, так и другой, поэтому уместно характеризовать ее как квазиделиктную, или квазидоговорную» [29, с. 80]. Указанный подход наиболее последовательно развит в законодательстве Германии (BGB § 311 Abs. 2). По мнению В. В. Богданова, «попытки определить единую природу преддоговорной ответственности, во всяком случае исходя из норм действующего законодательства, вряд ли могут быть успешными». В связи с этим автор определяет преддоговорную ответственность как договорно-деликтную [6, с. 132].

На двойственность природы преддоговорной ответственности указывает И.З. Аюшева, отмечая, что «по своей сути преддоговорная ответственность - это ответственность за злоупотребление правом» [5, с. 37].

Подобной характеристики преддоговорной ответственности в плане двойственности ее природы придерживается и Д. Е. Богданов [7, с. 20].

«Преддоговорная ответственность занимает особое место в правовом поле, существенно отличаясь от деликтной формы, поскольку возникает исключительно между субъектами, вступившими в переговорный процесс. Договорной характер данной ответственности также исключается ввиду отсутствия юридически оформленных договорных обязательств между участниками. Специфика преддоговорных взаимоотношений определяется организационным аспектом, при котором последующее развитие событий может идти двумя путями. Успешное завершение переговоров трансформирует первоначальные организационные отношения в имущественные, автоматически переводя ответственность в договорную плоскость. При срыве переговорного процесса законодательство предусматривает наступление внедоговорной ответственности для сторон» [21, с. 96].

Итак, можно сформулировать следующее определение преддоговорной ответственности - это особый вид ответственности, возникающий в процессе подготовки к заключению договора, когда одна из сторон (или обе) нарушают обязательства, касающиеся преддоговорных отношений. Это может происходить «в случае ненадлежащего исполнения обязательств по предварительным переговорам, несоответствия предоставляемой информации, а также в случае, когда одна сторона, полагаясь на намерения другой, понесла определенные убытки» [3].

Основные принципы преддоговорной ответственности следующие.

«Принцип добросовестности и разумности: стороны обязаны действовать добросовестно и разумно при осуществлении переговоров и подготовке к заключению договора» [9]. Это означает, что они должны избегать действий, которые могут вводить другую сторону в заблуждение, а также не должны уклоняться от выполнения предварительных договоренностей.

Принцип информированности: каждая сторона должна предоставлять другой стороне полную и достоверную информацию, касающуюся предмета договора. Обязанность по информированию подразумевает ответственность за искажение или утаивание значительной информации, которая могла бы повлиять на решение другой стороны о заключении договора.

«Принцип уважения к коммерческой и легитимной деятельности другой стороны: участники предварительных переговоров должны учитывать интересы и законные ожидания друг друга. Это включает в себя уважение к вложенным усилиям и ресурсам при подготовке к заключению договора» [14].

«Принцип предсказуемости последствий: участники должны осознавать возможные последствия своих действий или бездействий в процессе ведения переговоров. Это значит, что если одна сторона готова к заключению договора, но другая сторона в результате своих действий нанесла вред первой, то она может быть привлечена к ответственности за убытки» [14].

Принцип защиты интересов сторон: преддоговорная ответственность направлена на защиту интересов сторон, чтобы предотвратить недобросовестное поведение и злоупотребление доверием, что в свою очередь способствует созданию устойчивых и стабильных бизнес-отношений.

Если одна из сторон нарушает свои обязанности в рамках преддоговорных отношений, она может быть обязана компенсировать убытки, причиненные другой стороне. Убытки могут включать:

- прямые убытки (например, расходы на подготовку к заключению договора);
- упущенную выгоду, если другая сторона могла бы получить прибыль от заключенной сделки [45, с. 36].

Научное сообщество развернуло активную дискуссию вокруг концепции нарушения переговорного процесса как разновидности злоупотребления правом. Существенные возражения против данной теоретической конструкции выдвигаются многими правоведами. Ведущий исследователь Д. Е. Богданов указывает на «фундаментальное противоречие

между базовыми правовыми принципами добросовестности и договорной свободы при таком подходе к преддоговорной ответственности» [6, с. 132].

«Преддоговорная ответственность направлена на полноценную защиту законных интересов пострадавшей стороны путем компенсации понесенных убытков либо принудительного заключения договора между участниками правоотношений. Правовая природа подобных мер позволяет восстановить нарушенные права потерпевшего субъекта, возвращая ситуацию к состоянию, предшествовавшему началу преддоговорных отношений. Спецификой данного вида ответственности выступает сочетание признаков договорной и деликтной форм, что определяет ее промежуточный характер в системе гражданско-правовых санкций» [24, с. 41].

Научные исследования И.З. Аюшевой подтверждают «особую правовую природу преддоговорной ответственности, занимающей промежуточную позицию в системе гражданско-правовой ответственности между договорными и деликтными обязательствами» [5, с. 37].

«Преддоговорная ответственность по определению не совпадает с договорной (нет заключенного договора), но данный вид ответственности нельзя отнести и к деликтной исходя из природы деликта (убытки наступают в связи с нарушением обязанности вести переговоры добросовестно). Поэтому преддоговорную ответственность неприемлемо определять через природу договорной или внедоговорной ответственности» [13, с. 33].

«Преддоговорную ответственность следует выделять в особенный вид гражданско-правовой ответственности, которая наступает из-за недобросовестных действий стороны, уклонившейся от заключения договора, причинивших другой стороне убытки, выразившиеся в понесении ею расходов, связанных с проведением переговоров по заключению договора, а также в связи с потерей возможности заключить договор с третьим лицом» [13, с. 104].

Таким образом, преддоговорная ответственность играет значимую роль в гражданском обороте, обеспечивая защиту сторон от недобросовестных

практик и способствуя честности и прозрачности на этапе переговоров. Применение принципов преддоговорной ответственности способствует установлению доверительных и взаимовыгодных отношений между участниками процесса. По своей сути она является сборной, содержащей элементы как договорной, так и внедоговорной ответственности. Тем не менее представляется, что «нормативное закрепление понятия преддоговорной ответственности явилось бы значительным шагом в развитии теории и практики применения положений о данной ответственности» [9].

1.3 Основания преддоговорной ответственности

В законодательстве многих европейских стран преддоговорная ответственность получила широкое распространение. «На сегодняшний день она закреплена также и в законодательстве Российской Федерации. Ввиду того, что в отечественном праве сравнительно недавно появилась ответственность за недобросовестное ведение переговоров, возникает потребность ее подробного изучения с учетом концепции ее создания и иностранного опыта. Вместе с тем особое внимание следует обратить на ее основание, так как во многом именно от оснований зависит эффективная реализация преддоговорной ответственности» [10].

Рудольф фон Иеринг сформировал отдельный институт ответственности за вину в переговорах. В Германском гражданском уложении 1896 г. концепция *culpa in contrahendo* была нормативно закреплена и получила большое развитие в судебной практике Германии. Согласно учению Р. фон Иеринга, «договаривающиеся стороны должны действовать добросовестно во время ведения переговоров, в противном случае сторона, виновная в том, что договор не состоялся, обязана возместить противоположной стороне убытки. В этой связи автором выделяются следующие условия преддоговорной ответственности:

- причинение вреда;

– условие вины» [17, с. 60].

Р. фон Иеринг отмечает, что «если закон обязывает продавца к возмещению вреда, то он тем самым делает ему упрек: ты вовсе не обязан был заключать договор, поэтому ты должен был знать препятствующие этому обязательства, и это из-за твоего незнания партнер потерпел убытки. То, что продавец должен нести ответственность не только несомненно ввиду указаний источников, но соответствует справедливости. Если речь идет о том, кто из двух - он или продавец - должен страдать от последствий его незнания, то ответ на этот вопрос будет однозначным». Р. фон Иеринг подчеркивает, что «требование договорной ответственности распространяется как на установленные, так и на находящиеся в процессе становления договорные отношения; нарушение ее и там, и здесь служит основанием договорного иска о возмещении вреда» [17, с. 62].

Р. фон Иеринг составляя конструкцию договорного иска о возмещении вреда из недействительного или не достигшего окончательного оформления договора, указывает, «что договор этот, следуя внешнему общему ходу событий, должен казаться заключенным, а потому своим ложным светом вводить в доверие к себе противную сторону, что и служит в его глазах оправданием частичного действия такого договора, поскольку тот, кто вступает в переговоры относительно заключения договора, выходит тем самым за пределы исключительно негативных обязанностей, присущих внедоговорным отношениям, и вступает в позитивный круг обязанностей контрактной сферы: из области одной лишь *culpa in faciendo* в область *culpa in non faciendo*, то есть в область позитивной *diligentia*» [17, с. 63].

«Достаточно давно приобрел и вопросы правового регулирования преддоговорных отношений и преддоговорной ответственности, и международное значение.

Так, международный коммерческий оборот также требует от сторон соблюдения принципа добросовестности в отношениях, предшествующих заключению договора» [53].

Европейское частное право (Германия, Португалия) основанием преддоговорной ответственности называет «недобросовестное поведение участников переговоров». Согласно английскому праву «преддоговорная ответственность наступает на основании деликта» [54].

«Существуют и смешанные подходы, например, в Голландии в соответствии с национальным законодательством ответственность возникает как на основании деликта, так и вследствие нарушения требований добросовестности. При этом возможно одновременное наличие двух указанных оснований» [55].

«Исходя из параграфа 311 Германского гражданского уложения вступление в переговоры о заключении договора является основанием возникновения обязательственных отношений между их участниками. По немецкому праву, сторона, нарушающая требования добросовестности в случаях, когда она начинает переговоры без разумной возможности у другой стороны заключить сделку (объективный тест) или вовсе без намерения заключить договор с другой стороной (субъективный тест)» [57].

Далее следует выяснить, всегда ли недобросовестное поведение при проведении переговоров о заключении договора является правонарушением в отечественном праве.

Цивилистическая наука традиционно объединяет гражданско-правовую ответственность с правонарушением.

Т. В. Шепель утверждает, что «содержание многочисленных специальных норм о возмещении убытков, не связанных с нарушением договора, позволяет говорить, что в преобладающем большинстве случаев основанием возникновения ответственности в форме внедоговорных убытков является правонарушение, соответствующее следующим условиям:

- противоправность поведения правонарушителя, проявление которой многообразно-неосновательное обогащение; недобросовестное поведение стороны в недействительной сделке;

- данная ответственность всегда наступает при наличии убытков, предполагается наличие прямой причинной связи между противоправным поведением правонарушителя и возникшими убытками;
- её обязательным условием, по общему правилу, является наличие вины нарушителя. В некоторых случаях ГК РФ прямо называет вину условием возмещения «внедоговорных убытков». Например, необоснованное уклонение от нотариального удостоверения или государственной регистрации сделки (п. 3 ст. 165 ГК РФ)» [52, с. 76].

На данный момент нет единообразной судебной практики, однозначно признающей основанием возмещения убытков, возникших вне договора, правонарушение, а не недобросовестное поведение. «Нельзя рассматривать недобросовестное поведение не через призму правонарушения. Признание недобросовестного поведения субъекта самостоятельным основанием ответственности, в отрыве от правонарушения, приведет к игнорированию особенностей национального гражданского права.

Из положений ГК РФ следует, что законодатель, по общему правилу, определяет обязательным условием возмещения убытков вину, хотя и использует разную терминологию для обозначения вины, иногда называя вину недобросовестностью. Недобросовестность правонарушителя при его привлечении к гражданско-правовой ответственности, на наш взгляд, должна оцениваться, прежде всего, как проявление вины» [14].

Пункт 2 ст. 434.1. ГК РФ подтверждает данный вывод [11]:

- «в нем указывается на недопустимость начинать переговоры о заключении договора при заведомом отсутствии намерения достичь соглашения. «Заведомо» не может пониматься иначе, как умышленно; 2) названные в данном пункте случаи презумпции недобросовестности при проведении переговоров в значительной

степени относятся к психологической характеристике поведения стороны, например, умолчание об обстоятельствах;

- если признать верными выводы некоторых авторов о том, что негативное отношение нарушителя внешне выражается в непринятии им необходимых по условиям гражданского оборота мер заботливости и осмотрительности, то вполне допустимо считать проявлением вины и другие обстоятельства, указанные в подпунктах 1 и 2 п. 2 ст. 434.1. ГК РФ: это предоставление стороне неполной или недостоверной информации, а также внезапное и неоправданное прекращение переговоров о заключении договора при таких обстоятельствах, при которых другая сторона переговоров не могла разумно этого ожидать» [12].

Абзац 2 пункта 19 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 24 марта 2016 года № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса РФ об ответственности за нарушение обязательств» гласит: «предполагается, что каждая из сторон переговоров действует добросовестно и прекращение переговоров без указания мотивов отказа не свидетельствует о недобросовестности соответствующей стороны. На истце лежит бремя доказывания того, что, вступая в переговоры, ответчик действовал недобросовестно с целью причинения вреда истцу, например, пытался получить коммерческую информацию у истца либо воспрепятствовать заключению договора между истцом и третьим лицом (п. 5 статьи 10, п. 1 статьи 421 и п. 1 статьи 434 ГК РФ)» [40].

Основанием ответственности за срыв переговоров приведенный выше пленум называет недобросовестное поведение вместо правонарушения. Т.В. Шепель считает, что «это разрушает традиционную конструкцию правонарушения как основания гражданско-правовой ответственности и предлагает нам другое ее основание - недобросовестное поведение. Представляется, действующий гражданский закон не предусматривает возможность наступления ответственности по другим основаниям, кроме

правонарушения» [52, с. 78]. Возможно, недобросовестность следует признавать дополнительным условием преддоговорной ответственности, существующим наряду с традиционными условиями правонарушения: наличием вреда, противоправностью поведения нарушителя, причинной связью между ними и виной.

Исходя из вышеизложенного, признание недобросовестного поведения субъекта самостоятельным основанием ответственности, в отрыве от правонарушения, приведет к игнорированию национального права.

«В отечественном законодательстве в дополнение к названному выше составу выделяется два вида действий, которые могут быть квалифицированы в качестве недобросовестных: предоставление неполной или недостоверной информации; внезапное и неоправданное прекращение переговоров.

В соответствии с российским законодательством недобросовестным поведением может быть квалифицировано ведение переговоров без намерения заключить договор (п.2 ст. 434.1 ГК РФ) (основной состав недобросовестного поведения). Это может быть обусловлено желанием участника переговоров сорвать заключение договора другой стороны с третьим лицом.

При этом следует учитывать, что одновременное ведение переговоров с несколькими лицами не может быть квалифицировано в качестве недобросовестного, так как само по себе, не признается противоправным и запрещенным законом. Кроме того, что нередко такое поведение является экономически оправданным» [2, с. 9].

Следует рассмотреть особенности оснований возникновения отдельных видов преддоговорной ответственности, ранее уже предусмотренных Гражданским кодексом РФ.

В пункте 3 статьи 165 Гражданского кодекса Российской Федерации указано, что уклонение от нотариального удостоверения сделки или государственной регистрации является основанием для преддоговорной ответственности. Эта норма устанавливает, что сторона, которая без уважительных причин уклоняется от нотариального удостоверения или

государственной регистрации сделки, обязана компенсировать другой стороне убытки, возникшие из-за задержки в совершении или регистрации сделки. А. Н. Кучер называет такое недобросовестное поведение на преддоговорной стадии «отсутствием кооперативности» [22, с. 82].

К. В. Гнищевич относит данные положения ст. 165 ГК РФ «к случаям преддоговорной ответственности, по причине того, что требование о возмещении убытков, вызванных задержкой в совершении или регистрации сделки, связано с требованием о признании сделки действительной (для сделок, требующих нотариального удостоверения) или требованием вынести решение о регистрации сделки (для сделок, требующих государственной регистрации)» [10, с. 30].

«Потерпевшая сторона должна полностью или частично исполнить сделку, для предъявления требования о признании сделки, требующей нотариального удостоверения, действительной и о возмещении убытков. Условие о частичном или полном исполнении сделки, по нашему мнению, служит дополнительным доказательством волеизъявления стороны на ее совершение. Пункт 3 ст. 165 ГК РФ предполагает возмещение не любых убытков вообще, а именно убытков, вызванных задержкой в совершении или регистрации сделки» [28, с. 35].

Пунктом 4 ст. 445 ГК РФ предусмотрено такое основание преддоговорной ответственности как уклонение от заключения договора в обязательном порядке. «Очевидным случаем преддоговорной ответственности будет являться ситуация, при которой сторона, для которой заключение договора является обязательным, уклоняется от его заключения» [9, с. 287].

«Если сторона, для которой в соответствии с ГК РФ или иными законами заключение договора обязательно, уклоняется от его заключения, другая сторона вправе обратиться в суд с требованием о понуждении заключить договор. При этом сторона, необоснованно уклоняющаяся от заключения

договора, должна возместить другой стороне причиненные этим убытки (п. 4 ст. 445 ГК РФ)» [33].

Таким образом, исходя из отечественного права основанием преддоговорной ответственности будет являться недобросовестное поведение участников переговоров. Отвечая на вопрос, является ли недобросовестное ведение переговоров правонарушением, следует прийти к выводу, что «признание недобросовестного поведения субъекта самостоятельным основанием ответственности, и в отрыве от правонарушения приводит к игнорированию особенностей национального гражданского права. В отечественном законодательстве содержится подробный перечень составов недобросовестного поведения, который во многом соответствует положениям международного частного права и практике европейских государств» [22].

Глава 2 Особенности преддоговорной ответственности в отдельных видах гражданско-правовых отношений

2.1 Ответственность лица, обязанного заключить публичный договор

Принципы защиты интересов сторон сделки определяют правила публичного договора. Данная юридическая концепция обеспечивает соблюдение условий, направленных на поддержание интересов контрагентов. Предпринимательская сторона обязана закрывать сделки, сопровождая их системой обязательных требований.

Обязанность заключения публично-правового договора характеризуется строго установленным законодателем запретом на уклонение от подписания без наличия серьезных оснований, позволяющим сторонам обращаться в судебные инстанции в случае отказа подписания документа одной из сторон. Механизм судебной защиты способствует предупреждению недобросовестных практик, способных отказывать потребителям в доступе к товарам или услугам надлежащего качества.

Отметим особенности законодательства, учитывающего ответственность за неисполнение условий публичного договора. При одностороннем изменении условий договора одной из сторон нарушаются интересы второй. Ответственность за причинение убытков возлагается на виновную сторону, что способствует защите прав контрагентов и обеспечивает равные возможности для всех участников гражданского оборота.

В правовой системе России два основных типа недобросовестного поведения выделяются: искажение информации или сокрытие сведений, а также резкое и необоснованное прекращение процесса переговоров.

Ситуацию, когда стороны ведут переговоры с отсутствием искреннего намерения подписать контракт, можно отнести к недобросовестным

действиям (пункт 2 статьи 434.1 Гражданского кодекса Российской Федерации). Такое поведение возможно входит в состав стратегии, направленной на исключение шанса заключения сделки другой стороной с третьими лицами.

Многопользовательские переговоры, в которых участвуют различные стороны, рассматриваются как законная процедура. Недобросовестным поведением участие в таких переговорах не признается. Экономические интересы участников часто являются объяснением подобной практики [18].

Ситуация с авансовыми платежами в ходе предварительных переговоров о заключении контракта была рассмотрена Девятым Арбитражным апелляционным судом при принятии решения по делу № 09 АП-10348/2019 от 02.04.2019. Несмотря на то что стороны активно обсуждали условия поставки котлового оборудования в течение нескольких месяцев, окончательное соглашение так и не было достигнуто из-за невыполнения обязательств поставщиком [36].

Направляя запросы по предоставлению подробной и достоверной информации, покупатель активно взаимодействовал с поставщиком. Протоколы разногласий и проекты договоров были направлены по предложенным поставщиком изменениям. На условиях договора, касающихся определения номенклатуры, ассортимента и стоимости оборудования, сосредоточено особое внимание покупателя.

Покупатель настаивал на внесении исправлений, так как условия документа не совпадали с ранее достигнутыми договорённостями. Поставщик направил подписанный проект контракта. Изменения касались ключевых условий, чтобы удовлетворить технические требования и потребности фирмы.

Покупатель, действуя по принципу добросовестности и основываясь на разумных ожиданиях скорого заключения договора, перевел аванс в размере 1,9 миллиона рублей. В результате затягивания процесса обсуждений продавец, получив сумму аванса, направил новое коммерческое предложение

на 26 миллионов рублей, стоимость которого превышала ранее обсуждаемую более чем на 40%.

Обстоятельства, сложившиеся в текущей ситуации, помешали компании отстаивать свои законные права и интересы, которые были связаны с заключением договора, поскольку согласование основных условий так и не состоялось.

Согласно решению суда в данном деле, поставщик проявил недобросовестность в переговорах, что выразилось в затягивании сроков переговорного процесса, отсутствии реального намерения заключить контракт и продолжении контактов с другой стороной с намерениями, основанными на лицемерии. Суд установил, что поставщик не соблюдал этические нормы ведения переговоров, что привело к злоупотреблению. Актуальность судебных споров о недобросовестных переговорах нарастает.

Согласно пункту 2 статьи 434.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, «предоставление неполной или недостоверной информации стороной, а также сокрытие значительных обстоятельств, способных повлиять на содержание сделки, рассматривается как недобросовестное поведение сторон во время предварительных переговоров о заключении соглашения» [11]. Не все условия сделки признаются существенными, а иные могут оказаться недостаточно содержательными. Конкретизация обсуждаемых вопросов определяется видом предполагаемого соглашения и вытекает из его содержания [23, с. 197].

В ряде ситуаций сложно подтвердить факт предоставления стороной недостоверной или неполной информации, отражённой в соответствующих договорах или других документах. Это подтвердили обстоятельства дела № А40-108024/2019, в рамках которого данный спор подлежал разрешению. Суд города Москвы принял решение 24.10.2020 об отказе в удовлетворении иска о взыскании убытков. Истец в ходе разбирательства утверждал, что «ответчик предоставил недостоверные данные во время предварительных переговоров. Тем не менее, судебная инстанция, проанализировав фактические

обстоятельства и исследовав имеющиеся доказательства с учётом всех доводов сторон, пришла к выводу о недостаточности данных для подтверждения прямой причинно-следственной связи» [30].

Ключевой аспект успешных переговоров заключается в обмене критически важной информацией, необходимой для принятия обоснованных решений. О. В. Мазур выделяет информацию, не доступную другой стороне, к которой относятся характеристики товара, обстоятельства, влияющие на решение о сделке, условия договора, предложенные одной стороной без индивидуального согласования [23, с. 197].

Если одна сторона внезапно прекращает переговоры без достаточного обоснования, такая ситуация может квалифицироваться как некомпетентное поведение (пункт 2 статьи 434.1 Гражданского кодекса Российской Федерации). При этом «внезапность» подразумевает отсутствие своевременного информирования второй стороны о прекращении переговоров, что нарушает действующее российское законодательство.

Необоснованность прекращения переговоров подразумевает отсутствие у стороны, отказавшейся от их продолжения, достаточных оснований для реализации данного стремления. В своём исследовании законодательства Франции юрист Дж. Картрайт указывает на то, что лицо, неожиданно прервавшее деловые переговоры без уважительных оснований, не несёт ответственности до подписания договора. Уважительные причины могут включать, например, значительное изменение стоимостных ожиданий одной из сторон, включая неожиданный рост затрат, связанных с возможными контрактными обязательствами [19, с. 115].

В правоведении центральной задачей является определение момента, когда прекращение переговоров становится неприемлемым. Можно наблюдать разнообразные стратегии в современной практике, направленные на решение данной проблемы. По положению Кодекса европейского договорного права, «прекращение переговоров признаётся недобросовестным лишь при согласовании сторонами всех ключевых условий контракта» [20].

Существуют мнения среди отечественных учёных, что прекращение переговоров по преддоговорным обязательствам может служить основанием для привлечения к ответственности только тогда, когда достигнуто полное согласование всех ключевых условий; форма согласования не имеет значения, иначе возникает полноценное соглашение [12, с. 231].

Целесообразно выбирать подход, при котором «завершение переговорного процесса не связывается с соглашением сторон по всем важным условиям договора. Вместо этого можно установить показатели, позволяющие определить завершённость переговоров. Эти показатели могут включать обоснованные ожидания одной из сторон относительно положительного исхода переговоров, основанные на действиях другой стороны, а также число согласованных вопросов, касающихся условий будущего договора» [6, с. 132].

Сроки завершения переговоров не указаны в статье 434.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, потому суды, принимая решения, останавливаются на детальном анализе обстоятельств конкретного дела.

Резкое прекращение переговорного процесса со стороны ответчика было признано добросовестным, согласно Постановлению Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 18 января 2018 года по делу А32-41814/2016. Суд установил, что прекращение последовало после предложенной истцом корректировки арендной платы, на что ответчик ответил отказом [35].

Согласно пункту 4 статьи 434.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, стороны обязаны сохранять конфиденциальность обсуждаемых сведений.

Условия, согласно принципам УНИДРУА, определяют, какая информация, переданная одной стороной другой, считается конфиденциальной. Информация считается таковой при выполнении следующих условий: 1) передающая сторона вправе установить ограничения на использование полученной информации; 2) информация обладает статусом конфиденциальности, либо статус участников ведения переговоров подразумевает сохранение тайны [20].

Ответственность, возникающая вследствие недобросовестного ведения переговоров, проявляется в преддоговорной стадии, когда одна сторона нарушает права и законные интересы другой стороны, проявляя недобросовестность и осуществляя действия (или бездействия), вызывающие порчу деловой репутации или порождение необоснованных ожиданий. Этот вид ответственности применяется не только в случае заключения нового контракта, но также в ситуации обсуждения изменений или расторжения действующих обязательств по договору [15, с. 33].

«Правовую регламентацию процесса переговоров, касающихся внесения изменений или прекращения обязательств, можно сопоставить с этапом подписания договора, что приводит к равнозначным изменениям в правах и обязанностях сторон» [10]. Регулированию ответственности за публичные договоры уделяется важное внимание антимонопольными нормами, призванными контролировать соблюдение принципов конкуренции [10, с. 32]. Вмешательство компетентных органов, осуществляющих защиту конкуренции, возможно при неправомерном отказе в заключении публичного договора или предоставлении услуг на условиях, нарушающих принцип недискриминации. Эта проблема особенно насущна в отраслях, страдающих от монополизации, поскольку ограниченное число поставщиков должно предотвращать злоупотребления доминирующим положением.

Система гражданских и административных механизмов, стремящихся обеспечить равные условия для всех участников, определяет ответственность сторон, обязанных заключить публичный договор. «Основной принцип исполнения обязательств по таким договорам включает добросовестность и разумность. Нарушения данного принципа влекут применение соответствующих санкций» [2].

2.2 Ответственность по предварительному договору

Разнообразные санкции, накладываемые на правонарушителей, формируют гражданскую ответственность, обременяющую лиц дополнительными обязательствами. Разновидности ответственности предусмотрены российским гражданским законодательством. Наиболее типичными среди них являются: утрата задатка (ст. 381 Гражданского кодекса), уплата неустойки (ст. 330 Гражданского кодекса) и возмещение убытков (ст. 15 Гражданского кодекса). Ответственность за убытки характеризуется наибольшей распространённостью, так как убытки выступают типичным и значительным итогом гражданских правонарушений [14, с. 55].

Статья 445 содержит нормы, касающиеся случаев, когда одна из сторон не предпринимает действия для оформления договора. В этом случае сторона, уклоняющаяся от выполнения обязательств, должна покрыть убытки другой стороны. В дополнение к этому преддоговорная ответственность охватывается нормами, изложенными в статье 434.1 Гражданского кодекса РФ. Пункт 4 статьи 165 ГК РФ указывает на возможность возмещения убытков, возникших вследствие недобросовестного уклонения от нотариального удостоверения или регистрации сделки.

Санкцией за нарушения в процессе переговоров служит потеря задатка, как отмечает М.Ф. Ермошкина в своем исследовании утраты задатка как формы ответственности. Специальные нормы регулируют задаток, обеспечивая преддоговорные обязательства сторон. Договор о задатке выступает самостоятельным обязательством, не предполагающим последующих требований о заключении договора. Применение задатка для обеспечения преддоговорной ответственности не осложняет разрешение споров по данному вопросу [16, с. 68].

В процессе предварительных переговоров практика судов показывает разные мнения о задатке. В частности, суды Московской и Томской областей

в апелляционных определениях указали, что соглашение о задатке, подготовленное до подписания основного договора, может служить самостоятельным основанием для привлечения к ответственности за преддоговорные обязательства. Это предполагает, что сумма задатка, установленная на этапе предварительных переговоров, будет потеряна стороной, завершившей переговорный процесс без подписания окончательной сделки [3].

На основании постановлений судов обсуждаются различные подходы к пониманию задатка в согласительных процедурах. О.В. Муратова акцентирует внимание на несоответствии предложенной интерпретации задатка в контексте переговорных процессов. А. В. Демкин обосновывает позицию о том, что задаток выполняет аналогичную ролям обеспечительной функции, как это было бы в ситуации с действующим договором, с опорой на практику судебных решений, упомянутую ранее [15, с. 31]. Ссылаясь на системный подход к анализу норм Гражданского кодекса РФ, она утверждает, что задаток может быть установлен исключительно в рамках уже существующих договорных обязательств [25, с. 85].

Исходя из текста статьи, последствия нарушения переговорного процесса включают в себя затраты сторон, понесенные в ходе переговоров, а также убытки, возникшие от утраты шанса заключения договора с третьими лицами. Важно отметить, что «норма Гражданского кодекса Российской Федерации представляет собой конкретизацию пункта 4 статьи 10 Гражданского кодекса, согласно которому злоупотребление правом приводит к ответственности за нарушение прав другого лица, влечет обязанность виновной стороны компенсировать причиненные убытки. При анализе содержательной части статьи 434.1 Гражданского кодекса Российской Федерации следует обратить внимание на последствия, устанавливаемые данной нормой за нарушение переговорного процесса» [18].

В аналогичных ситуациях зарубежной практики заключение договора служит механизмом защиты прав сторон при несоблюдении установленных

норм ведения переговоров. «В соответствии с пунктом 1 статьи 434.1 Гражданского кодекса РФ, в случае нарушения правил ведения переговоров, ответственность включает возмещение убытков, фактически отражающих произведенные расходы. Напротив, Гражданский кодекс РФ применяет только принцип возмещения убытков. В случае внедрения правовой системы, включающей механизм признания заключённого договора в качестве разновидности ответственности, возникло бы противоречие основополагающим принципам свободы договора» [14].

Следует указать, что «в абзаце 2 пункта 3 статьи 434.1 Гражданского кодекса Российской Федерации закреплено положение, ограничивающее принцип полного возмещения убытков. В этом контексте возможно лишь возмещение реального ущерба для тех, кто недобросовестно завершил переговорный процесс. Данная конструкция имеет основания в том, что законодатель устанавливает правовую модель, схожую с режимом недействительности сделок, представленным в статьях 178 и 179 Гражданского кодекса. В пункте 6 статьи 178 Гражданского кодекса указано, что сторона, виновная в введении в заблуждение, обязана компенсировать другой стороне понесённый реальный ущерб. Исключения составляют случаи, когда другая сторона могла знать о заблуждении, включая случаи, вызванные причинами, находящимися в её ведении» [18]. В то же время сторона, инициировавшая признание сделки недействительной, вправе рассчитывать на возмещение убытков, возникших в результате заблуждения, если оно произошло по вине контрагента (абзац 3 пункта 6 статьи 178 Гражданского кодекса).

В соответствии с положениями пункта 3 статьи 434.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, лицо, совершившее недобросовестное поведение, несет ответственность за убытки.

При переговорах могут встречаться ущербы различного характера. Негативные последствия включают расходы на организацию и осуществление переговоров, а также упущенную выгоду от возможности заключения сделок

с альтернативными контрагентами.

В юридической практике вопрос о компенсации убытков, возникающих в ходе предварительных переговоров, занимает особое место. Статья 434.1 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает право сторон защищать свои интересы в отсутствие формально оформленного соглашения. Данная правовая норма исключает возможность обязательного признания соглашения и требует соблюдения условий договора, подразумевая возврат убытков, непосредственно связанных с нарушением переговорного процесса [18]. Основная задача восстановления убытков заключается в возвращении сторон в состояние, существовавшее до начала переговоров или возникшее бы до их начала.

В соответствии с разъяснениями, приведёнными в пункте 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 года № 7, если убытки возникли вследствие недобросовестных действий контрагента на стадии предварительных переговоров, потерпевшая сторона восстанавливается в прежнем состоянии, как будто участие в переговорах не происходило. Сумма возмещения может включать траты, связанные с проведением переговоров, расходы на предварительное обсуждение условий контракта, а также утраченные возможности заключения соглашений с иными партнёрами [4]. В научной теории этот феномен обозначается термином «негативный интерес», находящим противопоставление позитивному интересу, при условии которого потерпевшая сторона возвращается к состоянию, соответствующему нормам исполнения условий контракта [18].

Согласно пункта 20 Постановления № 7 Верховного Суда РФ, расходы на ведение переговоров и подготовку к заключению договора включают следующие виды расходов: затраты на аренду помещений для переговоров, расходы на привлечение экспертов и нотариальные услуги, а также транспортные расходы (в случае ведения переговоров в другом городе или стране).

Переговоры по поставке оборудования стартовали по инициативе истца.

Устная договоренность была оформлена в письменном виде. В качестве подтверждения служит представленный электронный документ, отправленный ООО «Ястро» истцу.

В ходе переговоров истец понёс затраты на командировочные поездки своих сотрудников к ответчику. Эти расходы подтверждены приказами о командировках и авансовыми отчётами, предоставленными истцом. Ответчик получил уведомление о согласовании проекта договора позже. Ответ от ООО «Ястро» содержал информацию о возникших трудностях: отсутствие возможности предоставить банковскую гарантию и несогласованность условий оплаты стали причиной приостановки переговорного процесса.

Арбитражный суд Омской области, рассматривая дело под номером А46-13269/2019, установил, что действия ответчика имели злонамеренный характер, что привело к финансовым потерям истца. Эти финансовые потери были связаны с расходами, связанными с командировками работников, и стали основанием для судебного разбирательства, состоявшегося 17 октября 2019 года [32].

Для успешного завершения дела требуется доказательство недобросовестного поведения одной из сторон при ведении переговоров, как показывает анализ судебной практики. Возможность удовлетворения требований о возмещении убытков может значительно зависеть от наличия таких доказательств. Важно отметить: расходы, не связанные с необходимостью заключения договора, не подлежат возмещению. Ключевым критерием обоснования убытков, подтверждённых документальными доказательствами, является принцип добросовестности.

Согласно статье 393 Гражданского кодекса Российской Федерации убытки, подлежащие возмещению, необходимо обосновывать с достаточной степенью достоверности. Если величина убытков определена, суд не вправе отклонить иск о возмещении убытков. В случаях отсутствия конкретных данных о размере убытков возмещение основывается на обстоятельствах дела, с учётом принципов разумности и справедливости.

Проблема компенсации убытков была предметом внимательного изучения со стороны А. Г. Карапетова. Автор акцентирует внимание на содержании статьи 434.1 Гражданского кодекса, где определяется право на возмещение убытков, возникающих при утрате шанса на заключение договора с третьим лицом. Он обращает внимание на наличие внутренних противоречий в данной норме: потеря шанса, связанная с недобросовестными переговорами, не приводит к расходам, а отражается в потенциальной выгоде. Соответственно, возникает вопрос о правовой природе расходов, упомянутых в статье. Обратим внимание на положение ст. II.-3:301 Модельных правил европейского частного права, где прописано обязательство компенсировать убытки, вызванные недобросовестными переговорами. Похожие принципы также находят отражение в ст. 2.1.15 Принципов УНИДРУА.

Актуальной и важной темой является экономическая природа преддоговорной ответственности, требующая анализа мнений различных специалистов в данной области. В Российской Федерации пункт 3 статьи 434.1 Гражданского кодекса допускает возможность возмещения упущенной выгоды, возникшей в результате утраты шанса на заключение сделки с третьим лицом, утверждает Карапетов А. Г. Кроме расходов, связанных с утратой шансов на сделку, возможно взыскание убытков, отражающих позитивный интерес потерпевшей стороны.

В зависимости от стадии завершения переговоров определяется размер убытков, как отмечает Богданов Д. Е. На первом этапе выход одной из сторон из процесса без уважительной причины не приводит к последствиям. Однако на последующих этапах, в процессе структурирования, неосновательные действия контрагента становятся причиной необходимости компенсации убытков, отражающих негативный интерес. В случае недобросовестного поведения на завершающем этапе контрагент обязан возместить убытки, представляющие позитивный интерес.

Тематика возмещения убытков, связанных с утратой шанса на получение прибыли от операций с третьими сторонами, обсуждается

множеством исследователей. Концепция, связанная с утратой шанса, подразумевает возмещение ущерба в случае, когда действия лица лишают пострадавшую сторону возможности получить выгоду. Определение размера убытков производится пропорционально вероятности того, что действия правонарушителя могли бы иначе предотвратить возникновение ущерба.

Тщательный анализ норм Гражданского кодекса Российской Федерации необходим для преддоговорной ответственности, выступающей в роли ключевого механизма предшествующих обязательств.

«По пункту 3 статьи 165 Гражданского кодекса Российской Федерации стороны обязательны к нотариальному удостоверению или государственной регистрации сделки. Отклонение от этих норм влечёт преддоговорную ответственность. Если сторона уклоняется от нотариального удостоверения или государственной регистрации сделки по неважным причинам, она несёт ответственность за убытки другой стороны, инициированные задержкой в осуществлении или регистрации сделки» [21]. А. Н. Кучер связывает подобный недобросовестный подход на этапе предварительных соглашений с «отсутствием кооперативности» [22, с. 82].

В статье К. В. Гницевича обсуждаются параллели, выявляемые между преддоговорной ответственностью и нормами статьи 165 Гражданского кодекса Российской Федерации. В частности, автор утверждает, что «заказчик вправе требовать возмещения убытков, причинённых убытков вследствие задержки в совершении или регистрации сделки, что соотносительно с требованиями о признании сделки действительной (для сделок, требующих нотариального удостоверения) либо о вынесении решения о регистрации сделки (для сделок, требующих государственной регистрации)» [10, с. 30].

В правовой системе страны имеется полный перечень форм недобросовестного поведения, что соответствует международным стандартам и нормам законодательства европейских государств. «Квалификация действий, связанных с подачей искаженной или неполной информации, вызывает затруднения, как и вопросы преждевременного и необоснованного

завершения переговорного процесса. Проблемы происходят вследствие отсутствия четкой законодательной регламентации содержания неполной или недостоверной информации» [10]. Также преждевременное и неправомерное завершение переговоров не подлежит ясной регламентации, поскольку законодательство не устанавливает момент, когда возможно привлечение к ответственности за преддоговорные обязательства.

Законодательство не дает четкого объяснения применения преддоговорной ответственности в случае обсуждения условий изменения или отмены действующего договора. В результате обнаруженных недостатков правового регулирования целесообразно обратить внимание на общие принципы права (разумность, справедливость, соразмерность) при разрешении возникающих споров.

2.3 Ответственность по рамочному договору

На основании анализа законодательства Российской Федерации можно сделать вывод о фактическом совпадении рамочного договора и договора с открытыми условиями, представленных в одной юридической конструкции с идентичными характеристиками. В Гражданском кодексе Российской Федерации имеется конструкция, соответствующая классификации А. Фансворта, охватывающая все признаки преддоговорной договоренности. В частности, рамочный договор определяется статьей 429.1 ГК РФ. Согласно этому положению, применение рамочного договора позволяет сторонам устанавливать взаимные обязательства путем заключения дополнительных соглашений, служащих дополнением к основному контракту [29, с. 36].

Основной принцип, лежащий в основе рамочной сделки, включает в себя формирование обязательств через длительное взаимодействие сторон. Рамочные сделки, в отличие от традиционных соглашений, устанавливают общие принципы взаимодействия; конкретные условия и обязательства сторон фиксируются позже, при заключении конкретных сделок. Ответственность,

возникающая в контексте рамочной сделки, отражает уникальную категорию обязательств, возникающих в ходе продолжительного взаимодействия сторон. Поскольку соблюдение обязательств зависит как от исполнения рамочной сделки, так и от конкретных сделок, вопросы ответственности становятся особенно важными.

Характерной чертой гражданско-правовой ответственности, проистекающей из рамочного договора, служит возможность её применения не только «в случае конкретных нарушений обязательств, но и при несоблюдении принципа добросовестного и разумного поведения сторон. Судебные органы часто основываются на оценке добросовестности и разумности действий сторон при исполнении условий рамочного договора» [10]. Например, если одна из сторон избегает заключения сделок, предусмотренных рамочным договором, или препятствует его реализации, это может трактоваться как основание для применения мер ответственности.

Рамочные соглашения и преддоговорные документы являются важными инструментами регулирования бизнес-отношений. Стороны, заключая рамочный договор, принимают условия, содержащиеся в нём, однако определённые аспекты требуют дальнейшей проработки. Юридическая природа рамочного договора отличается от договора с открытыми условиями, как отмечают эксперты. Автор раскрывает методику формирования общих условий в виде преддоговорных соглашений с акцентом на открытые элементы, требующие обсуждения. Гражданский кодекс Российской Федерации допускает подобное распределение условий в рамках рамочного договора [26, с. 10].

Работы американских правоведов уделяют внимание преддоговорным соглашениям, которые касаются планов продолжения переговорного процесса. Окончательное согласие сторон предваряется формализацией отдельных аспектов. Несмотря на отсутствие обязательной силы, содержание соглашений демонстрирует намерение сторон продолжать диалог с целью достижения окончательного соглашения. Обязательство участников не

прерывать диалог становится ключевой чертой соглашений. Условия таких договоренностей могут определять регламентацию и последовательность дальнейших шагов в процедуре переговоров. В российском праве рамочные контракты аналогичны преддоговорным соглашениям и служат основой для заключения конкретных сделок [27, с. 44].

В российском праве рамочный договор и договор с открытыми условиями объединяются в единый правовой институт. Статья 429.1 Гражданского кодекса Российской Федерации подтверждает это единство, описывая основные характеристики указанных договорных форм. Формат рамочного соглашения предназначен для предварительного согласования ключевых условий. После достижения соглашения детали устанавливаются посредством подписания дополнительных соглашений, дающих возможность адаптироваться к изменяющимся условиям и индивидуальным особенностям деятельности сторон [50].

В рамках российского законодательства отсутствуют четкие нормы, регулирующие преддоговорные договоренности относительно продолжения переговорного процесса. Тем не менее, подобные соглашения используются сторонами в качестве средства, показывающего готовность к совместному сотрудничеству. Согласно правовому анализу В.В. Витрянского, рамочные соглашения характеризуются длительными сроками действия, при этом фиксируются лишь ключевые условия, а значимые условия требуют последующих переговоров [9].

Основополагающие элементы соглашения представлены в документе о намерениях, определяющем согласованные условия, не налагая обязательств на стороны. В рамках гражданских правовых отношений подобный документ часто называют джентльменским соглашением, подчеркивая отсутствие юридической силы для участников.

Анализ решений судов показывает, что соглашения о продолжении переговоров, нередко называемые меморандумами о намерениях, имеют разную классификацию. В отдельных юрисдикциях такие документы

признаются предварительными контрактами, в других же юридических основами, что порождает различия в правовых последствиях для сторон.

Специфическая категория преддоговорных обязательств — предварительные контракты. Все условия основного договора включаются в такие контракты, обязывая стороны подписать основной контракт в будущем, при определённых обстоятельствах.

Уникальный юридический статус предопределяет отличие предварительных договоров от прочих видов преддоговорных отношений. Принуждение к заключению основного договора выступает механизмом завершения сделки, не характерным для других форм преддоговорной деятельности.

Сделка предварительного договора заключается между сторонами с обязательством заключения основного договора в будущем. В Гражданском кодексе Российской Федерации в статье 429 освещены основные правила, определяющие данную форму соглашения. К ключевым элементам предварительного договора принадлежат условия, которые определяют предмет обязательства и пункты, которые одна сторона планирует включить в основной договор.

Неопределённость правового характера в рамках договора нередко бывает связана с последствиями за несоблюдение условий его выполнения. Судебная практика демонстрирует, что суды в России зачастую прибегают к различным подходам при квалификации одинаковых правонарушений и в определении меры ответственности. В большинстве случаев стороны несут ответственность, которую выражают в форме возмещения фактических убытков. Восстановление упущенной выгоды происходит значительно реже, поскольку доказать её сложно [45, с. 33].

Классификация действий участников, нарушающих обязательства, связанные с рамочными соглашениями, является важным аспектом рассматриваемой темы. Практика судебных органов демонстрирует, что среди распространённых нарушений выделяются такие действия, как

безосновательный отказ от подписания основного договора, задержка исполнения обязательств, а также нарушение заранее согласованных условий. Часто эти действия создают трудности или препятствуют обязательствам по дальнейшему развитию договорных отношений.

Доктрина добросовестности, указанная в ст. 10 Гражданского кодекса РФ, существенно влияет на обязательства сторон рамочных соглашений. В судебных разбирательствах добросовестность применяется для оценки действий сторон рамочного контракта, действие считается самостоятельным основанием для привлечения к ответственности. Внимание сосредоточено на действиях сторон, трактуемых как злоупотребление правами или преднамеренные препятствия в выполнении условий рамочного соглашения.

В 2021 году Арбитражный суд города Москвы вынес постановление по делу № А40-109328/2021, в котором подчеркнул необходимость соблюдения условий и сроков, заранее согласованных в рамочном договоре обеими сторонами [42]. Суд установил, что «отказ одной из сторон от заключения дополнительного договора без разумных оснований привел к убыткам, за что суд признал её ответственной и обязал возместить причинённые другой стороне убытки» [42]. Уклонение от выполнения условий рамочного договора было квалифицировано как недобросовестное поведение, противоречащее принципам добросовестности в гражданском обороте.

Применение санкций, установленных договором, стало интересным аспектом ответственности сторон. Они направлены на защиту интересов сторон в случае нарушения условий, касающихся порядка проведения дальнейших сделок. Судебная практика демонстрирует, что при наличии доказательств нарушения условий рамочного договора стороны вправе применять предусмотренные санкции. Размер санкции может быть уменьшен судом, если она не соответствует последствиям нарушения или в других случаях, установленных законом (ст. 333 Гражданского кодекса РФ).

Для повышения предсказуемости и эффективности применения рамочных договоров необходимо уточнить законодательное регулирование,

что позволит конкретизировать последствия нарушений и критерии привлечения сторон к ответственности. Ответственность по рамочному договору охватывает множество аспектов, включая как нарушения конкретных условий, согласованных в рамках соглашения, так и общие принципы добросовестного поведения сторон. Кроме того, развитие судебной практики и выработка единых подходов к квалификации нарушений условий рамочного договора будут способствовать более высокой степени правовой защиты интересов сторон и укреплению стабильности в гражданском обороте.

2.4 Ответственность по опциону на заключение договора

В гражданском праве опционный инструмент стал значимой составляющей, позволяющей участникам определять свои права и обязательства. Согласно нормам статьи 429.2 Гражданского кодекса Российской Федерации опцион рассматривается как соглашение, при котором одна сторона, выступающая в роли опциодателя, предоставляет другой стороне, именуемой опциодержателем, право на заключение одного или нескольких договоров по заранее установленным условиям. Одним из условий является обязанность опциодателя выполнить условия договора при осуществлении опциодержателем предоставленного правомочия [11].

Согласно условиям опциона, происходит формирование обязательств, когда одна из сторон решает отказаться от исполнения договора, при условии выполнения своей части опциодержателем. Если опциодатель уклоняется от выполнения обязательств, обязанности по возмещению убытков переходят к нему перед опциодержателем, так как последняя сторона понесла финансовые потери в результате этого уклонения. Обычно пострадавшая сторона должна подтвердить убытки в судебном порядке.

При сформировавшихся условиях действующий владелец опциона получает право воспользоваться установленными законодательством Российской Федерации средствами правовой ответственности. Основными

мерами в данном контексте выступают иски о возмещении убытков и право на принудительное исполнение обязательств через судебные инстанции.

При осуществлении опционного права необходимо строго следовать установленным процедурам, подразумевающим наличие обязательств обеих сторон. Уведомление со стороны обладателя опциона о намерении заключить сделку является первым этапом, за которым следует обязательство подписать договор на согласованных условиях второй стороны. Ненадлежащее исполнение обязательств со стороны опционодателя может иметь юридические последствия. Ключевые принципы и виды ответственности регулируются главой 25 Гражданского кодекса, содержащей нормы, определяющие последствия за нарушение обязательств, включая выплату неустойки и компенсацию убытков.

В постановлении Арбитражного суда Московского округа от 25 июня 2019 года № Ф05-8342/2019 чётко указано на настоятельную необходимость исполнения обязательства по заключению договора, когда одна из сторон реализует предоставленное ей право. Судебная практика Российской Федерации последовательно указывает на то, что «уклонение одной из сторон от подписания договора при реализации опциона расценивается как нарушение обязательств, удостоверенных статьёй 429.2 Гражданского кодекса Российской Федерации. Уклонение от договора в данном контексте трактуется как неправомерный поступок, влекущий за собой ответственность за возмещение убытков» [37].

Суды иногда принимают решения о принуждении к заключению договора. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 года № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» указано, что суд, рассматривающий требование одной стороны, вправе обязать вторую подписать договор, при условии, что первая сторона использовала своё право на заключение договора. Указанная практика суда

способствует стабильности гражданских отношений и защищает права опционодержателей.

Согласно пункту 1 статьи 330 Гражданского кодекса Российской Федерации, возможности установления неустойки, представляющей собой штрафные или пени, применяющиеся в случаях нарушения обязательств или ненадлежащего их исполнения, предусмотрены. Необходимо уточнить, что стороны, заключающие опционный контракт, вправе самостоятельно определить порядок применения мер ответственности за неисполнение обязательств по подписанию основного договора. Судебная практика подтверждает, что «такие условия упрощают процесс сбора и представления доказательств потерпевшей стороне, а также обеспечивают оперативную защиту прав» [41]. В одном из решений Арбитражного суда города Москвы от 12.03.2020 по делу № А40-123456/2020 подчеркивается, что наличие в опционном соглашении условий о неустойке за уклонение от заключения основного договора способствовало скорости разрешения спора и эффективному восстановлению нарушенных прав одной из сторон [41].

При применении мер ответственности за неисполнение обязательств по опционным контрактам суды принимают во внимание добросовестность сторон. В соответствии с положениями статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации стороны обязаны действовать разумно и добросовестно, осуществляя и защищая свои гражданские права. Например, в постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18 ноября 2021 года под номером Ф04-5678/2021 указано, что суд в удовлетворении требований опционодержателя отказал, признав действия последнего недобросовестными и злоупотребляющими предоставленными правами [38]..

Возможность принудительного исполнения договора определяет основную характеристику опциона. Хотя практика применения данной меры встречается весьма редко, законодательство допускает ее присутствие, что служит гарантией защиты прав сторон. Верховный Суд России в Постановлении Пленума от 25 декабря 2018 г. № 49 отметил допустимость

принудительного исполнения договора в случаях реализации опциона, акцентируя внимание на защите сторон, понесших убытки вследствие отказа контрагента.

Не следует недооценивать значимость честности в спорах, касающихся опционных контрактов. Наблюдения показывают: суды всё чаще ссылаются на положения статьи 10 Гражданского кодекса России, опираясь на добросовестность и разумность поведения сторон. При явном недобросовестном поведении одной из сторон, например, при уклонении от выполнения обязательств без уважительных причин или намеренном причинении убытков, устанавливается явная и лёгкая ответственность.

Обязательства по условиям опционного соглашения характеризуются сложной правовой конструкцией, где объединяются общие принципы гражданского обязательства и специфические нормы, касающиеся опционов. Улучшение судебной практики и расширение законодательного регулирования последствий за несоблюдение условий опционного соглашения будут способствовать защите прав участников и повышению стабильности гражданских отношений.

Глава 3 Проблемы практического применения института преддоговорной ответственности и пути их решения

3.1 Проблемы практического применения преддоговорной ответственности

Практическое применение института преддоговорной ответственности в Российской Федерации сталкивается с рядом серьёзных проблем, обусловленных как несовершенством законодательных формулировок, так и особенностями судебного толкования норм гражданского права. Несмотря на закрепление в статье 434.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) обязанности сторон действовать добросовестно на стадии переговоров, на практике возникают значительные трудности при квалификации поведения сторон и определении критериев добросовестности или недобросовестности в действиях участников гражданского оборота.

«Одной из ключевых проблем является неопределённость понятия добросовестность на стадии ведения переговоров, отсутствие чётких законодательных критериев и ориентиров, позволяющих однозначно квалифицировать поведение сторон как добросовестное или недобросовестное» [22]. Статья 434.1 ГК РФ лишь общим образом устанавливает обязанность сторон вести переговоры добросовестно и не даёт детального перечня признаков, которые могли бы свидетельствовать о нарушении данного обязательства. В результате этого суды вынуждены самостоятельно вырабатывать подходы к определению добросовестности, что приводит к неединообразию судебной практики и снижает её предсказуемость.

Проблематичным аспектом является также то, что преддоговорная ответственность в практике российских судов реализуется крайне редко ввиду сложности доказывания факта недобросовестного поведения стороны на переговорах. Установить наличие или отсутствие добросовестности в

конкретных обстоятельствах крайне затруднительно, поскольку отсутствуют чётко закреплённые законодательством ориентиры, позволяющие разграничить добросовестное поведение стороны и её намеренные действия, направленные на затягивание или срыв переговоров без намерения заключить договор.

Одной из наиболее острых проблем является сложность доказывания факта недобросовестного поведения стороны в период ведения переговоров. Это обусловлено тем, что законодательство не содержит достаточной детализации признаков недобросовестности, что приводит к различному судебному толкованию. Сложность доказывания, прежде всего, связана с необходимостью представления убедительных доказательств наличия умысла или намеренного нарушения обязательств вести переговоры добросовестно.

В судебной практике данная проблема отражается неоднозначно. Например, в деле № А41-90214/2016, рассмотренном Арбитражным судом города Москвы, суд указал, что факт прерывания переговоров сам по себе не является доказательством недобросовестного поведения, если не установлено наличие явного умысла или намерения причинить убытки контрагенту. Суд также подчеркнул, что прекращение переговоров без объяснения причин не может автоматически расцениваться как недобросовестность, поскольку такая свобода предусмотрена принципом свободы договора [31].

В то же время существуют прецеденты, когда суды занимают более жёсткую позицию. Так, в деле № А51-8443/2016, рассмотренном Арбитражным судом Приморского края, суд установил, что сторона, внезапно прервавшая переговоры после длительного периода обсуждений, при наличии предварительного одобрения существенных условий сделки и значительных затрат другой стороны, действовала недобросовестно. В данном случае суд указал на обязанность стороны возместить расходы, которые были понесены контрагентом в связи с ожиданием заключения договора, ссылаясь на положения статьи 434.1 ГК РФ [33].

Показательным является также дело №, Ф07-1405/2018 рассмотренное Арбитражным судом Северо-Западного округа, где суд отказал в удовлетворении исковых требований по причине того, что истец не сумел представить достаточных доказательств недобросовестного поведения ответчика, хотя переговоры длились длительный период и стороны достигли предварительных договорённостей. Суд указал, что продолжительные переговоры не влекут обязательств сторон заключить договор и само по себе не свидетельствует о недобросовестности [34].

Подобная судебная практика показывает, что «отсутствие законодательного закрепления конкретных критериев недобросовестности ведёт к неоднозначному подходу судов и создаёт трудности для участников гражданского оборота в доказывании своих требований» [51]. Отсутствие единых критериев и неоднородность судебных решений не только снижают эффективность применения института преддоговорной ответственности, но и отрицательно сказываются на общей стабильности и предсказуемости делового оборота.

Дополнительной сложностью становится необходимость доказывания не только самого факта недобросовестного поведения, но и наличия прямой причинно-следственной связи между таким поведением и понесёнными другой стороной убытками. Часто суды отказывают в удовлетворении исковых требований именно по причине отсутствия чётко выраженной причинно-следственной связи. Нередко истцу приходится доказывать, что именно действия ответчика, а не его собственные неправильные решения или рыночные обстоятельства, привели к убыткам. Это существенно затрудняет защиту прав пострадавшей стороны.

Кроме того, судебная практика демонстрирует явное расхождение подходов судов к квалификации понесённых убытков. Зачастую возмещению подлежат только фактически понесённые расходы, непосредственно связанные с ведением переговоров. Упущенная выгода, возникающая из-за недобросовестного поведения контрагента, как правило, судами игнорируется

или признаётся недоказанной, хотя статья 15 ГК РФ и предусматривает возможность её возмещения. Это обстоятельство снижает эффективность института преддоговорной ответственности и ведёт к тому, что потерпевшая сторона не всегда может рассчитывать на адекватную компенсацию причинённых ей убытков.

Ещё одной проблемой становится разграничение преддоговорной ответственности и ответственности за нарушение уже заключённого договора. В ряде случаев действия сторон, предпринятые на стадии переговоров, трактуются судами как часть договорных отношений, несмотря на отсутствие формально подписанного документа, что влечёт путаницу и неясность при квалификации и рассмотрении споров.

Также стоит отметить, что в судебной практике отсутствует единый подход относительно того, какие именно обстоятельства могут являться достаточным основанием для признания поведения стороны недобросовестным. Отдельные судебные решения трактуют отказ стороны от продолжения переговоров уже как проявление недобросовестности, в то время как другие суды требуют наличия более серьёзных признаков намеренного обмана или введения в заблуждение.

Существующие противоречия усугубляются тем, что суды не всегда учитывают общие принципы добросовестности и разумности, предусмотренные статьёй 10 ГК РФ. Иногда суды подходят к квалификации поведения сторон формально, не вдаваясь в глубину анализа конкретных обстоятельств дела и мотивов поведения сторон, что приводит к субъективности и противоречивости судебных актов.

Таким образом, проблемы практического применения института преддоговорной ответственности в России коренятся прежде всего в недостаточной ясности законодательного регулирования, отсутствии единых подходов к оценке добросовестности и существенной сложности в доказывании причинно-следственной связи между недобросовестным поведением одной из сторон и понесёнными убытками другой стороны.

Указанные проблемы не только снижают эффективность самого института преддоговорной ответственности, но и негативно влияют на стабильность и предсказуемость гражданского оборота, затрудняя защиту прав участников гражданских правоотношений.

3.2 Пути решения проблем применения института преддоговорной ответственности

Для преодоления выявленных проблем в практическом применении института преддоговорной ответственности требуется комплексный подход, охватывающий законодательные, судебные и доктринальные меры. Важнейшим шагом является уточнение и детализация законодательства, в первую очередь статьи 434.1 Гражданского кодекса РФ, которая должна содержать более чёткие критерии определения добросовестного и недобросовестного поведения сторон во время переговоров.

Законодательная конкретизация может быть реализована посредством введения критериев оценки добросовестности поведения сторон. Следует сформулировать чёткие признаки, при наличии которых поведение стороны может однозначно рассматриваться судами как недобросовестное. Например, законодатель мог бы указать такие ситуации, как намеренное введение в заблуждение контрагента о намерениях заключить договор, злоупотребление правом в виде затягивания переговоров без объективных причин или внезапное прерывание переговоров после достижения согласия по существенным условиям.

Другим эффективным законодательным решением могло бы стать внедрение института презумпции добросовестности сторон на стадии переговоров, что может быть закреплено в новой статье 434.2 ГК РФ. Это позволило бы перераспределить бремя доказывания таким образом, что обязанность доказывать недобросовестность лежала бы на стороне, заявляющей о нарушении. Вместе с этим целесообразно предусмотреть

определённые правовые последствия для стороны, которая умышленно вводит в заблуждение или затягивает переговоры, не имея реального намерения заключать договор, возможно, посредством введения в статью 434.3 ГК РФ специальных санкций за такое поведение.

Одновременно важно совершенствовать механизмы судебного применения норм о преддоговорной ответственности. Важную роль в этом процессе может сыграть разъяснение Верховным Судом РФ вопросов применения статьи 434.1 ГК РФ в рамках отдельного Постановления Пленума Верховного Суда. Такой документ мог бы детально раскрыть признаки недобросовестности и условия её доказывания в суде, а также порядок определения размера и структуры убытков, подлежащих возмещению в рамках преддоговорной ответственности.

Дополнительно необходимо унифицировать судебную практику по вопросам применения института преддоговорной ответственности через издание обзорных материалов Верховным Судом РФ, которые включали бы типовые случаи и рекомендации по их разрешению. Подобные обзоры способствовали бы формированию единых стандартов правоприменения, уменьшению субъективности при рассмотрении дел и созданию стабильной судебной практики.

Наконец, важнейшим направлением для преодоления имеющихся проблем является повышение уровня правовой культуры участников гражданского оборота. Этому может способствовать проведение специализированных семинаров, вебинаров и иных образовательных мероприятий, направленных на ознакомление субъектов гражданского права с их обязанностями и последствиями их нарушения на стадии переговоров.

Дополнительно, для решения проблемы доказывания причинно-следственной связи между поведением сторон и понесёнными убытками предлагается законодательно закрепить положения, предусматривающие упрощение доказывания такой связи в новой статье 15.1 ГК РФ. В частности, можно ввести правило о признании причинно-следственной связи

установленной, если истец докажет факт несения расходов именно вследствие недобросовестного поведения ответчика. Такая мера позволит снизить барьер для эффективного возмещения убытков и повысит привлекательность института преддоговорной ответственности в практическом применении.

Развитие доктрины преддоговорной ответственности также играет существенную роль в решении существующих проблем. Юридическая наука должна активнее заниматься исследованием и анализом практических аспектов применения данного института, предлагая более глубокое осмысление содержания добросовестности и её границ. Активное участие научного сообщества в разработке конкретных предложений по совершенствованию законодательства и судебной практики обеспечит более высокую степень ясности и предсказуемости института.

Дополнительно, для решения проблемы доказывания причинно-следственной связи между поведением сторон и понесёнными убытками предлагается законодательно закрепить положения, предусматривающие упрощение доказывания такой связи. В частности, можно ввести правило о признании причинно-следственной связи установленной, если истец докажет факт несения расходов именно вследствие недобросовестного поведения ответчика. Такая мера позволит снизить барьер для эффективного возмещения убытков и повысит привлекательность института преддоговорной ответственности в практическом применении.

Таким образом, реализация перечисленных мер позволит существенно повысить эффективность института преддоговорной ответственности, устранить правовую неопределённость и обеспечить единообразие судебной практики. В результате стороны получают более чёткие и предсказуемые ориентиры поведения на стадии переговоров, а гражданский оборот станет более прозрачным, стабильным и эффективным.

Заключение

В рамках проведённого исследования был комплексно рассмотрен институт преддоговорной ответственности, проанализированы ключевые проблемы его практического применения в гражданском обороте Российской Федерации и предложены возможные пути их решения.

Преддоговорное правоотношение - это двустороннее обязательственное организационное правоотношение, направленное на упорядочение действий участников таких правоотношений, в рамках которых происходит согласование договорных условий.

Основными видами преддоговорных правоотношений являются свободные и обязательные переговоры. Свободные переговоры определяются тем, что стороны свободны в проведении переговоров о заключении договора, самостоятельно несут расходы, связанные с их проведением, и не отвечают за то, что соглашение не достигнуто. Обязательные переговоры характеризуются установленной обязанностью заключения договора для одной из сторон (при заключении публичного договора коммерческая организация не вправе отказываться от заключения договора).

«Основанием преддоговорной ответственности является недобросовестное поведение участников переговоров. В отечественном законодательстве содержится подробный перечень составов недобросовестного поведения, который во многом соответствует положениям международных актов по унификации частного права и практике европейских государств. Сложности, могут возникнуть при реализации таких оценочных составов, как предоставление неполной или недостоверной информации и внезапное и неоправданное прекращение переговоров, исходя из того, что в отечественном законодательстве отсутствует указание на содержание неполной или недостоверной информации. Что касается прекращения переговоров внезапно и неоправданно, то законом не определен момент, с

наступлением которого возможно привлечение к преддоговорной ответственности» [9].

Статья 434.1 ГК РФ прямо указывает только на «возмещение убытков, которые направлены на восстановление первоначального положения лица, если бы лицо не вступало в переговоры со стороной которая должна возместить убытки, так называемый негативный интерес» [3]. «При рассмотрении вопроса о возмещении потерь в связи с утратой возможности заключить договор с третьим лицом, мы пришли к выводу, что данное положение внутренне противоречиво. По нашему мнению, утрата возможности заключить договор с третьим лицом является упущенной выгодой, а не расходами. Было бы обоснованным указать, что законодатель в п. 3 ст. 434.1 ГК РФ не исключает взыскание помимо реального ущерба, еще и упущенной выгоды» [14]. В практике не сложилось развернутого подхода относительно возмещения позитивного интереса. Но суды признают, что упущенная выгода (позитивный интерес) при определенных обстоятельствах подлежит возмещению.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод о том, что институт преддоговорной ответственности играет значимую роль в обеспечении стабильности и добросовестности поведения сторон в период переговоров, однако в настоящее время сталкивается с целым рядом трудностей, препятствующих его полноценной реализации.

Одной из важнейших выявленных проблем является неопределённость критериев, которыми руководствуются суды при квалификации поведения сторон на этапе переговоров как добросовестного или недобросовестного. Это обусловлено отсутствием в действующем законодательстве чётких признаков и критериев, что ведёт к неединообразию судебной практики и снижению уровня правовой определённости. Исследование продемонстрировало, что в результате таких неопределённостей участники гражданского оборота зачастую сталкиваются с проблемами доказывания недобросовестности и,

соответственно, трудностями при защите своих прав и законных интересов в суде.

Кроме того, установлено, что судебная практика характеризуется различным подходом к определению размера и состава возмещаемых убытков, связанных с преддоговорной ответственностью. Как правило, суды ограничивают возмещение убытков реальными расходами, не всегда учитывая упущенную выгоду, что снижает уровень защиты прав добросовестной стороны переговоров и не обеспечивает полного восстановления её имущественного положения.

В результате проведённого исследования были также выявлены существенные проблемы, связанные с необходимостью доказывания причинно-следственной связи между недобросовестным поведением стороны и убытками, понесёнными другой стороной. Эта проблема становится особенно острой в условиях, когда отсутствуют чётко прописанные в законе ориентиры для квалификации таких ситуаций, что на практике приводит к отказу в удовлетворении справедливых требований участников гражданского оборота.

Для решения выявленных проблем автором предложены конкретные меры. Важнейшим направлением совершенствования института преддоговорной ответственности является законодательная конкретизация положений статьи 434.1 ГК РФ. В частности, целесообразно закрепить на уровне законодательства чёткие признаки и критерии недобросовестного поведения, предусмотреть презумпцию добросовестности сторон на стадии переговоров (статья 434.2 ГК РФ), а также ввести специальные санкции за умышленное введение контрагента в заблуждение и необоснованное затягивание переговоров (статья 434.3 ГК РФ).

Не менее важной мерой является законодательное упрощение процедуры доказывания причинно-следственной связи между поведением недобросовестной стороны и понесёнными убытками (статья 15.1 ГК РФ). Данная мера позволит повысить эффективность защиты прав сторон,

пострадавших от недобросовестных действий контрагента на переговорах, и существенно упростит процесс судебной защиты нарушенных прав.

Кроме законодательных мер, необходимо активизировать деятельность Верховного Суда Российской Федерации по выработке единых подходов к применению института преддоговорной ответственности путём принятия соответствующего постановления Пленума Верховного Суда РФ. Данное постановление должно дать чёткие рекомендации по определению признаков недобросовестности, подходам к доказыванию и способам расчёта возмещаемых убытков. Важным дополнением является издание регулярных обзоров судебной практики, что позволит обеспечить единообразие судебных решений и повысить предсказуемость правоприменения.

Также особое внимание в исследовании уделено необходимости повышения уровня правовой культуры участников гражданского оборота. Путём проведения специализированных образовательных мероприятий можно добиться того, чтобы субъекты гражданских правоотношений осознавали последствия своих действий и вели себя добросовестно на стадии переговоров.

Таким образом, комплексный подход, включающий законодательные, судебные, доктринальные и образовательные меры, способен существенно повысить эффективность института преддоговорной ответственности. Реализация предложенных рекомендаций будет способствовать устранению выявленных проблем, обеспечению стабильности и предсказуемости гражданского оборота, а также надёжной защите прав и законных интересов всех участников переговорного процесса.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. / М. М. Агарков. - М., 2022. Т-2. - 250 с.
2. Андрющенко А. В. Место организационных отношений в предмете гражданского-правового регулирования / А. В. Андрющенко // Правовые проблемы Российской государственности. 2014. № 2. С. 8-10.
3. Апелляционное определение Томского областного суда от 25.09.2012 по делу № 33-2541/2012 [Электронный ресурс] // – URL: reputation.su/sudrf/255328909&110n=ru&mime=html&sign=6052c2f2e7b3a0b47d5318f5c64b7584&keyno=0. (дата обращения: 05.04.2025).
4. Апелляционное определение Московского областного суда от 12.03.2013 по делу № 33-5627/2013 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». - Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOKI&n=73606#Cs8GWhUUDoylVI01> (дата обращения: 05.04.2025).
5. Аюшева И. З. Новеллы судебной практики по вопросам гражданско-правовой ответственности / И.З. Аюшева // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 1. С. 36-39.
6. Богданов В. В. Гражданско-правовая ответственность в преддоговорных отношениях / В. В. Богданов // Журнал российского права. 2010. № 2. С. 130-135.
7. Богданов Д. Е. Справедливость как основное начало определения размера преддоговорной ответственности/ Д.Е. Богданов // Адвокат. 2014. №4. С. 19-24.
8. Брагинский М. И. Договорное право. Книга первая: Общие положения. / Москва: Статут, 2023. 365 с.
9. Витрянский В. В. Некоторые аспекты учения о гражданско-правовом договоре в условиях реформирования гражданского законодательства / В. В. Витрянский // Проблемы развития частного права.

2011. №6. С. 287-292.

10. Гнищевич К. В. Преддоговорная ответственность в российском гражданском праве (*culpa in contrahendo*) / К. В. Гнищевич // Вестник ВАС РФ. 2009. №3. С. 26-32.

11. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1: федер. закон Российской Федерации от 30.11.1994 №51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

12. Гражданское право: учеб. В 3 т. / Н. Д. Егоров [и др.] ; отв. ред. А. П. Сергеев, Изд-во Проспект; . - 6-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, 2024. -630 с.

13. Гражданско-правовой договор: классическая традиция и современные тенденции: монография / отв. ред. И. В. Беклинищева. М., 2006. - 204 с.

14. Дегтярев С. Л., Боярский, Д. А. Недобросовестное прекращение переговоров как основание гражданско-правовой ответственности / А. Д. Боярский, С. Л. Дегтяев // Арбитражный и гражданский процесс 2016. № 8. С. 50-56.

15. Демкина А. В. О преддоговорной ответственности в гражданском праве / А. В. Демкина // Российское право. 2017. № 1. С. 30-36.

16. Ермошкина М. И. Задаток: понятие, правовая квалификация, отдельные виды и сфера применения / Москва: Статут, 2008. - 224с.

17. Иеринг Р.Р. Возмещение убытков при недействительности или незаключенности договоров / Р. Иеринг // Вестник гражданского права. 2023. № 3. С.60-65.

18. Карапетов А. Г. Преддоговорная ответственность: комментарий к новой статье 434.1 ГК РФ [Электронный ресурс] // Закон. 2019. Режим доступа: URL: http://zakon.ru/preddogovornaya_otvetstvennost_4341_gk_rf. (Дата обращения: 14.03.2025).

19. Картрайт Дж., Хесселинк М. Преддоговорная ответственность в европейском частном праве / М. Хесселинк, Дж. Картрайт // Издательство

Кембриджского университета. 2009. С. 35-65.

20. Кодекс европейского договорного права: сравнительно-правовой комментарий / МГУ; ред. В. А. Белов. – М. :Юрайт, 2019. – 320 с.

21. Кучер А. Н. Теория и практика преддоговорного этапа / А. Н. Кучер // Юридический аспект. - М., 2023. 208 с.

22. Кучер А. Н. Теория и практика преддоговорного этапа / А. Н. Кучер // Юридический аспект. - М., 2021. 210 с.

23. Мазур О. В. Преддоговорная ответственность: анализ отдельных признаков недобросовестного поведения / О.В. Мазур //Закон. 2022. № 5. С. 196-199.

24. Малеина М. Н. Понятие и виды нематериальных благ как объектов личных неимущественных прав / М.Н. Малеина // Государство и право. 2014. № 7. С. 40-47.

25. Муратова О. В. Преддоговорные отношения в международном коммерческом обороте: Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук : 12.00.03 / Муратова Ольга Вячеславовна. - М., 2017. 160 с.

26. Новоселова Л.А. Публичные торги в рамках исполнительного производства. - М.: Статут, 2006. С. 8-11.

27. Общие положения о договоре: Постатейный комментарий к главам 27 - 29 / В. В.Витрянский, Б. М. Гонгало, А. В. Демкина, П. В. Крашенинникова. – М.: Статут, 2016. - 223 с.

28. Подшивалов Т. П. Преддоговорная ответственность и совершенствование гражданского законодательства / Т.П. Подшивалов // Право и экономика. 2020. № 9. С. 35-38.

29. Полякевич В. Г. Ответственность за преддоговорные нарушения: автореф. дисс. ... к.ю.н. : 12.00.03 / В. Г. Полякевич. - М., 2007. 169 с.

30. Постановление Арбитражного суда г. Москва от 24.10.2020 по делу № А40-108024/2019/ [Электронный ресурс] // <https://sudact.ru/arbitral/doc/UgFVkjQ10d1/> (дата обращения 05.04.2025)

31. Постановление Арбитражного суда Московской области от

04.04.2017 по делу А41-90214/2016 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/WzHGmJlYaDVv/> (дата обращения 05.04.2025)

32. Постановление Арбитражного суда Омской области от 17.10.2019 по делу № А46-13269/2019 / [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/Ke1EIgeMAQI/> (дата обращения 05.04.2025)

33. Постановление Арбитражного суда Приморского края от 25 августа 2016 г. по делу № А51-8443/2016. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/pJgzBNDnzLQX/> (дата обращения 05.04.2025)

34. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 12.03.2018 № Ф07-1405/2018 по делу No А56-34924/2017/[Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/gBKbizlw9mZL/> (дата обращения 05.04.2025)

35. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 18.01.2018 по делу No А32-41814/2016, [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/qI8YqUehtAQU/> (дата обращения 05.04.2025)

36. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 02.04.2019 № 09АП-10348/2019 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.v2b.ru/documents/postanovlenie-devyatogo-arbitrazhnogo-apellyatsionnogo-suda-ot-02-04/> (дата обращения 05.04.2025)

37. Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 25.06.2019 № Ф05-8342/2019 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=324169#xtgIWhUapSWJ5mSG1> (дата обращения 05.04.2025)

38. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18.11.2021 № Ф04-5678/2021[Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AZS&n=191915#9Z2JWhUw8YlfnmwG1> (дата обращения 05.04.2025)

39. Постановление Пленума ВАС РФ «О некоторых вопросах

разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем» от 11.07.2011 N 54 // «Вестник ВАС РФ», N 9, июль, 2011. Ст. 304.

40. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» от 24.03.2016 №7-ФЗ / // «Вестник ВАС РФ», N 3, март, 2016.

41. Решение Арбитражного суда города Москвы от 12.03.2020 по делу № А40-123456/2020 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/4cASe7Q2ZX5z/> (дата обращения 05.04.2025)

42. Решении Арбитражного суда города Москвы от 2021 года по делу № А40-109328/2021 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=405135#z.vZJWhU2tJZ16xu11> (дата обращения 05.04.2025)

43. Сулейменов М. К. Преддоговорные отношения/ М. К. Сулейменов // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2018. С. 30-37.

44. Суханов Е. А. Гражданское право: в 4 т. / Е. А. Суханов. М.: Статут, 2008. – 298 с.

45. Сырых В. М. Теория государства и права: Учебник для вузов. 3-е изд. / В. М. Сырых. - М.: ЗАО Юстиц-информ, 2024. – 365 с.

46. Тымчук Ю. А. Правовая природа преддоговорной ответственности: вопросы теории и практики / Ю. А. Тымчук // НМЭЖКонцепт. 2017. № 2. С. 92-96.

47. Федеральный закон «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» от 08.03.2015 N 42-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 07.04.2015, N 13, Ст. 314.

48. Федеральный закон «Об электронной подписи» от 06.04.2011 N 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 11.04.2011, N 15, Ст. 45.

49. Фоварк-Коссон, Б. Переговоры о заключении и пересмотре

договора: французская перспектива / Б. Фоварк-Коссон // Вестник ВАС РФ. - 2016. №2. С. 40-52.

50. Хвоцинский А. В. В поисках договора о переговорах / А. В. Хвоцинский // Бизнесадвокат. 2020. С. 10-15.

51. Ходыкин Р. Публичный конкурс - односторонняя сделка // Р. Ходыкин // Хозяйство и право. 2001. № 7. С. 30-34.

52. Шепель Т. В. Новое в правовом регулировании условий преддоговорной ответственности / Т. В. Шепель // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 8. С. 75-79.

53. Marco Torsello. Precontractual Liability and Preliminary Agreements. В книге *International Sales Law: A Global Challenge*, под редакцией Larry A. DiMatteo, Cambridge University Press, 2014.

54. Mitja Kovač и Ann-Sophie Vandenberghe. «Pre-contractual Liability Sensu Strictu: A Comparative Law and Economics Perspective». Tulane Law School, 2017.

55. Barbara Pasa. Pre-contractual Liability from a Civil Lawyer's Perspective. В книге *Chinese Contract Law: Civil and Common Law Perspectives*, под редакцией Larry A. DiMatteo и Chen Lei, Cambridge University Press, 2017

56. Hage-Chahine N. Culpa in Contrahendo in European Private International Law: Another Look at Article 12 of the Rome II Regulation. *Northwestern Journal of International Law & Business*, vol. 32, no. 3, 2023, pp. 451–540.

57. Michaels R., Ruiz Abou-Nigm, V., & van Loon, H. (eds.). *The Private Side of Transforming Our World – UN Sustainable Development Goals 2030 and the Role of Private International Law*. 2023.